

О молодежных танцах и играх, «длинной паре» и порядке ее составления, «лемби», хождении «кругом» на беседе и «сидении». Об игре в «бабки». Предание об иконе Смоленской Божией Матери из часовни д. Кинерма.

Населенные пункты: Ведлозеро (Пряжинский район), Кинерма (Пряжинский район).

176. **Смирнов И.** Беседы в Девятинском приходе (Вытегорского уезда) // ОГВ. 1873. № 10 (3 февр.). С. 114–115; № 17 (28 февр.). С. 183–185; № 81 (17 окт.). С. 926–927.

По окончании всех работ в Девятинах начинаются посиделки, называемые «бесёдами». С начала осени они бывают только по вечерам воскресных дней, а потом, когда приготовят лен для пряжи, ежедневно. В статье описывается проведение молодежной беседы, приводятся тексты беседных песен, а также правила нескольких игр.

Населенный пункт Девятины (Волог. обл., б. Вытегорский уезд Олонецкой губернии).

Ярмарки

177. Из Архангельской губернии // ОГВ. 1870. № 7 (24 янв.). С. 99.

О Покровской ярмарке в Кемском уезде Архангельской губернии.

178. Петрозаводск. 29-е июня // ОГВ. 1854. № 26 (10 июля). [С. 188].

В статье описаны: расположение города, ярмарки, Петрозаводский кафедральный собор.

Населенный пункт Петрозаводск (Прионежский район).

Ю.И. Ковыришина

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЛЕНДАРНОЙ ТРАДИЦИИ КАРЕЛЬСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ¹

По мнению исследователей, поморский календарь – явление сравнительно позднего происхождения, сформировавшееся на базе

¹ Представлены материалы по календарной обрядности сел Карельского берега Белого моря, собранные автором (в том числе совместно с А.П.Конкка) в 2004–2005 гг. от местных жителей 1910–1950-х гг. р.

славянского годового земледельческого аграрного календаря и сохранившее основные его даты [Бернштам 1977: 89]. Большая часть престольных праздников Поморья в целом приходилась на позднюю весну и лето. Наиболее распространенными из них были Пасха, Троица, *Петров день*, *Петрово заговенье* (*Петровщина* на Зимнем берегу), *Иванов день*, *Ильин день*. Наряду с крупными церковными праздниками специфику Поморья составляют и новообразования – промысловые праздничные циклы, появившиеся в непосредственной связи с хозяйственной деятельностью поморов. Эти два пласта обрядности и составляют индивидуальный облик поморского календаря.

Одним из наиболее развитых календарных обрядовых комплексов Карельского берега Белого моря следует признать **зимние Святки** (период от Рождества Христова до Крещения Господня), включавшим святочные вечеринки, обходы ряжеными деревенских домов, гадания и в завершение купание в проруби.

В карельских деревнях Боярская, Нильмогуба и Нильмозеро Святки называли *vieristän keski*, что в буквальном переводе означает «крещенский промежуток», хотя информанты нередко путались в определении периода, обозначаемого этим термином: «*пост и между постами*» (Соболева, Боярская)². Кроме того, в этих населенных пунктах существовало известное и на других карельских территориях представление о хозяйке Святков – *vieristän akka* – «крещенской старухе», которую никто из жителей не видел, но полагали, что она появляется после Рождества Христова, находится рядом с деревенскими жителями все Святки и «*убирает всё после праздников*» (Косых, Нильмозеро). В Нильмогубе *vieristän akka* называли также и пожилых женщин, ходивших ряжеными в Святки и таким образом персонифицировавших повелительницу праздничного периода (Иванова).

Рождество Христово (25.12³) в селах Карельского берега Белого моря отмечали посещением домов с исполнением песен зимнего обходного цикла, в том числе ирмоса «Христос рождается, славится!» и тропаря «Рождество Твоё, Христе Боже», исполнявшихся чаще

² Сведения об информантах приведены в конце наст. ст.

³ Даты календарных праздников здесь и далее указываются по старому стилю.

всего пожилыми женщинами и детьми. В Поньгоме до сих пор вспоминают старушку Марию Никитичну, которая «славила Христа» под окнами домов, после чего ей либо выносили угощение, либо приглашали в дом выпить чаю (Дмитриева, Семенова, Кутчева). Пожилые женщины в Рождество также собирались для исполнения праздничных богослужебных песнопений в местной церкви или в доме у одной из них (Коновалова Л., Гридино).

День Рождества Христова благоприятствовал также совершению обрядов и ритуалов, с помощью которых женщины старались помочь успешному возвращению с промысла своих мужей. Так, в Поньгоме считалось, что у тех хозяек, кто встанет раньше всех в Рождество и раньше всех затопит печь, муж раньше приедет с промысла в Баренцевом море (Дмитриева, Семенова, Кутчева).

Святочное ряжение в селениях Карельского берега Белого моря продолжалось от Рождества до Крещения: «*о рожестве, да о новом годе, рожество только пройдет и станут наряженными, ходили*» (Коновалова М., Гридино). Ходить ряжеными могли в любое время суток, так как работы зимой было немного (исключая заготовку леса), однако чаще всего ходили по вечерам, а в Крещение – только до обеда (Коновалова М.).

В населенных пунктах побережья бытовала довольно разнообразная народная терминология для обозначения ряженных (табл. 1). В большинстве сел существовало несколько названий, которые могли дифференцировать ряженных, одетых нарядно и в рваное. Кроме того, в ряде населенных пунктов сложились также термины для обозначения процесса обхода ряженными домов, отличные от собственного названия ряженных.

На севере – в поморских селах Черная Река и Княжая Губа и в карельских деревнях Боярская и Нильмогуба – был распространен термин *хухельники* (*huhel'nikat*), в целом широко известный на Русском Севере. Если в Боярской и Нильмогубе это было единственное название ряженных (и нарядных и грязных), то в Черной Реке так именовали только ряженных, одетых в рваньё, а для нарядных существовал другой термин – *маскированные*. Напротив, в Княжей Губе *хухельниками* называли нарядных ряженных, а для грязных, одетых в рваные тряпки, применяли другой термин – *тряписьники*.

Народная терминология, связанная с ряжением

Населенный пункт	Термин для обозначения ряженных	Термин для обозначения обхода ряженными домов
Княжая Губа	<i>Хухельники / тряпíсьники</i>	
Нильмогуба	<i>Хухельники</i>	<i>Кудёсничали</i>
Черная Река	<i>Хухельники, маскированные</i>	<i>Святовáли</i>
Боярская	<i>Хухельники</i>	
Кереть	<i>Ряженые, наряжённые / тряпишники, маскированные</i>	
Гридино	<i>Гуляшники, маскированные</i>	
Калгалакша	<i>Гуляшники, маскированные</i>	
Поньгома	<i>Гуляльцики</i>	<i>Кудесились</i>

Села Поньгома, Калгалакша и Гридино, расположенные на юге побережья, образуют ареал бытования терминов, связанных с лексической основой «гулять»: здесь ряженных называли *гуляльцики* (Поньгома) или *гуляшники* (Калгалакша)⁴.

Границу между двумя ареалами распространения терминов ряжения отмечает с. Кереть, где не были известны названия *хухельники* и *гуляшники*, а ряженных называли *наряжённые* или собственно *ряженые* («*просто ряженые, попросту ряженые*», Дещенина), а о костюмах ряженных говорили: «*одели разную наряжёнку*» (Нифакин). Вместе с тем в Керети существует наибольшее количество наименований ряженных: здесь бытовали также термины *тряпишники* (так называли ряженных, которые привязывали к своему костюму сзади рваные тряпки) – слово, намечающее связи села с северной Княжей Губой, и *маскированные*.

Термин *маскированные*, по единогласному мнению информантов, следует признать более поздним и применявшимся только к нарядным ряженным. *Маскированными* называли ряженных в Черной Реке, Керети, Гридино и Калгалакше: «*в старину-то гуляшники, а теперь-то маскированные*» (Ефремова, Калгалакша); «*говорили: "гуляшники идут", маскированные – слова такого раньше ещё не*

⁴ По наблюдениям этнографа А.П.Конкка, термин *гуляшники* распространился в Поньгому, Калгалакшу и Гридино с юга — из Кеми, откуда он также «поднялся» по р.Кемь до карельских поселений Юшкозеро и Панозеро.

знали... девушки были маскированными, плохие одежды не одевали, нарядными девушки были... я сама ходила девкой маскированными...» (Коновалова М., Гридино); «маскированные стали после войны, тогда покультурнее стало» (Дещенина, Кереть).

В Нильмогубе об обходе ряжеными домов говорили «*кудэсничать ходили*», а в Поньгоме бытовала несколько иная транскрипция – «*кудесились*», что означало здесь, однако, не хождение ряжеными, а святочные гадания. В Черной Реке кроме термина *хухельники* существовало и другое название хождения ряжеными, связанное с временной приуроченностью обрядов – Святками; здесь говорили «*святováть*», «*святováли*».

Ряженые, как правило, ходили группами от 2 до 10 человек, объединяясь чаще всего по половозрастному признаку, то есть молодежь предпочитала ходить отдельно от людей среднего и пожилого возраста, дети также бегали по домам своими небольшими компаниям: «*молодые девушки ходили, 5–6 человек, своей компанией, кто с кем дружит, парней, кто ходил, было мало, больше девки пётались, хайдучились* (то есть задорились, веселились. – Ю.К.). *И молодые женщины ходили, кто первый год замужем*» (Дмитриева, Семенова, Кутчева, Поньгома); «*Большими партиями, бывало, молодежь собиралась, у кого большие избы – то разрешали плясать, весело было*» (Редькина, Калгалакша).

Входя в дом, ряженые здоровались: «*Здравствуйте, хозяева!*», просили их пустить поплясать и попеть: «*Хозяюшка, можно ли нам поплясать?*» (Коновалова Л., Гридино), а после разрешенного «представления» требовали угощения. Многие информанты подчеркивали, что угощение в благодарность ряженым было обязательным, и даже в голодные времена хозяйки находили хотя бы немного еды для них, хотя бы и корочки хлеба. В Керети бытовало характерное приветствие ряженных, завершавшееся пожеланием хорошего улова: «*”Здравствуйте” – это по-культурному, а все говорили: ”Ми-и-и-р дому! ”. Вот наговаривают, хохочут и смеются, ”Чтоб у вас было всё спокойно в доме, чтоб рыба ловилась, чтоб летом было рыбы много”*» (Дещенина).

Обязательным для ряженных было изменение голоса, чтобы хозяева не узнали, кто к ним пришел. Для этого говорили намеренно

низко, грубо, гортанно или на вдохе (Поньгома). Придя в дом, ряженные просили хозяев разрешить им попеть и поплясать, для чего брали с собой балалайку⁵, гармонь, мандолину (Поньгома). Хозяйка также могла участвовать в представлении ряженных, сопровождая их пляс наигрышами под язык, хлопками в ладоши (Сенякова, Кереть).

Нередко в костюмах и снаряжении ряженных присутствовали музыкальные инструменты и предметы домашней утвари, служившие их звуковыми маркерами. В ряде населенных пунктов Карельского берега одним из атрибутов ряженных были бубенчики и колокольчики. На севере побережья – в Керети, Черной Реке и Нильмогубе – их носили в руках: *«Они прямо как идут, дак сразу слышно, что идут ряженные, колокольчики. "Можно, крещёные, к вам?" – кричат уже, "крещёные" почему-то всё время говорили»* (Дещенина, Кереть). На юге – в Калгалакше и Поньгоме – ряженные прятали колокольчики под одежду: *«колокольчиков накладывают, кто под мышки, так брякались везде»* (Ефремова, Калгалакша), *«в кармане у гуляльщиков привяжут»* (Дмитриева, Семенова, Кутчева, Поньгома). Напротив, информанты из Гридино отрицали наличие колокольчиков в нарядах ряженных, отмечая, что это позднее влияние украинской культуры: *«этого не было, это с Украины идет»* (Коновалова М.).

В Черной Реке ряженные носили с собой таз (Смолькова), а в Калгалакше – котел, в который стучали палками, войдя в дом. В Княжей Губе ряженные были экипированы тазами, стиральными досками и пилами: *«на пиле набрякивают»* (Сиверина).

Костюм ряженных также дополняли палки, ухваты, кочерга, которыми они стучали по полу: *«Кто с палкой, кто старого человека изображает, а кто таких разудалых – так нет, конечно, зачем палка... . С кочергой не ходили, а с ухватами ходили. С помелом один раз приходили к нам, вот, сколько помню, один раз к нам приходили.*

⁵ В Черной Реке полагали, что девушкам (в том числе и во время хождения ряженными) приличнее играть на балалайке, чем на гармонии. Так, бабушка Фофановой, застав внучку играющей на гармонии, сильно отругала ее, сказав, что *«на гармониях играют только размужичье»*. Размужичьем в Черной Реке называли девушек, не воздержанных в половых отношениях (Фофанова).

Крёсная им сказала: "С помелом к нам не ходите, в саже, ну, грязное помело. У нас теснота такая, а вы ещё с помелом тут пришли! Вы знаете, куда идёте, где дом побольше, там можно что-то побольше взять, вот"» (Дещенина, Кереть).

Об исполнении колядок – святочных поздравительных песен – жители Карельского берега вспоминали неохотно и всячески «отдаляли» от местной традиции. Так, в Калгалакше утверждали, что колядки могли петь в Олонецком районе, в Керети подчеркивали, что колядки исполняют белорусы (Дещенина), в Нильмозере вспоминали лишь впечатления от украинских колядок (Косых). В Черной Реке и вовсе отрицали исполнение колядок на Святки. И лишь в Княжей Губе А. Ганичева исполнила весьма неплохо сохранившуюся колядку, которой *хухельники* славилы хозяев в доме, пропев ее поэтический текст на простой, напоминающий декламационные детские заклички терцовый напев:

*Звёзды па́дывали,
Перепáдывали,
Со небес Христос,
Ангелом Гавриилом,
Иоанном Предтечей.
Сбегайте,
Спроведайте,
Про княжно житьё,
Про Христово Рождество.
Прикатило Рождество,
К господину на крыльцо.
А хозяйка во дому,
Как оладья во меду,
Иван Иванович, –
Сто лет житья...
В третьем дому –
Малы деточки,
Малы деточки –
Часты звёздочки⁶.*

⁶ Близкий текст был зафиксирован на Поморском берегу Белого моря И.М. и В.П.Дуровыми в начале XX века (см.: НА КарНЦ РАН, кол.27, оп.2, № 183ж).

В ряжении использовалась как повседневная, так и праздничная, нарядная одежда: *«подмаскирòвку всяку делали»* (Фофанова, Черная Река), *«снарядятся кто по-овечьи, кто по-человечьи, кто как кукуорекает»* (Ефремова, Калагалакша). Нарядно чаще всего одевались молодые девушки: *«сарафаны поморские оденем, если по-хорошему идём, девушки- то хорошее одевали»* (Коновалова Л., Гридино). Другие ряженные выворачивали одежду наизнанку (штаны, шубы, тулупы), а мужчины надевали шапку набекрень, наискось. Особенно активно использовались старые и рваные вещи (*рибуши, рибушки*), а также рабочая одежда. Ряженные кутались в покрывала, платки и шали, закручивались в старые куски невода (Косых, Нильмозеро). *Тряпишники* в Керети получили своё название в том числе и потому, что привязывали сзади к поясу рваные тряпки (Дещенина).

Лица ряженные закрывали тряпкой, платком, тюлью, мазали сажей (Нильмогуба, Черная Река) или использовали маски из толстой бумаги, на которых прорезались глаза и рот и подводились брови (Сенякова, Черная Река). В Поньгоме лица ряженных были измазаны брусникой или мукой: *«Я нарядилась в рибушки и пошла к себе домой. Прихожу, а там отец пришел с лова, он не знал, что я пошла. Мать и говорит: "Так чей тут парень пришел?"". Лицо у меня было в бруснике и мукой измазано, пришла, как леший»* (Семенова). Лица ряженные могли открыть после исполненного ими танца: *«Спляшите – открывайтесь, – говорят хозяева. – Даём вам кадрили сплясать, чтобы вы открылись»* (Коновалова Л., Гридино).

Рядились также с переменной пола. Женщины для этого могли использовать в том числе и военную форму (не становясь при этом собственно святочным персонажем – «солдатом»), мужчины надевали сарафаны, из тряпок делали себе внушительную грудь: *«Отец часто переодевался женщиной, оденет сарафан, с кем-то вдвоем придёт, с теткой какой-нибудь, бывало, придёт... и переодевается несколько раз»* (Ганичева, Княжая Губа). В Гридино и Калгалакше мужчины, переодеваясь женщиной, использовали два сарафана: один надевали на себя, а второй подвязывали у пояса и перекидывали его подол сзади на лицо: *«Мужики в сарафанах накинут на голову один на себе, а второй завязанный "как зонтик"»*

(на пояс привязан, а подол перекинут на лицо)» (Ефремова, Калгалакша).

Практически повсеместно в населенных пунктах Карельского берега Белого моря было распространено святочное ряжение животными.

«Медведем» одевались исключительно мужчины, используя для этого вывернутую наизнанку шубу, на ноги надевали валенки, лицо закрывали марлей или платком, или надвигали *«шапчонку на лицо»* (Ефремова, Богданова, Калгалакша). Некоторые информанты подчёркивали, что у ряженого медведем штаны чаще всего были рваными (Ефремова, Калгалакша). В ряжении могли использовать и медвежью шкуру (Кереть, Калгалакша, Гридино) (в Керети и в наши дни «медведь» нередко заходит и хозяйничает в селе). В этом случае ряженому не требовалась шапка. Если шкура с убитого медведя снята «по-хорошему», то медвежья морда просто опускалась на лицо ряженого, закрывая его полностью (Коновалова Л., Гридино). В Гридино медвежьи шкуры использовали еще в 1950–1970-х гг. вне обряда, на детских новогодних ёлках. На шею медведю-ряженому могли вешать колокольчик, который носили домашние олени (Богданова, Каностров)⁷.

Ряженный старался передать походку вразвалочку, манеру поведения животного: *«они все повадки, наверное, изучили медвежьи»* (Дещенина, Кереть), имитировал рык медведя, (*«О!»*) низким грубым голосом (Дещенина). Медведь входил в дом на двух ногах, а затем опускался на четвереньки (Сенякова, Кереть).

Медведя-ряженого мог сопровождать поводырь. Редькина (Калгалакша) рассказывала, как ее отец участвовал в этом ряжении. Сосед натянул медвежью шкуру, закрепив ее на теле поясами, а отец, одетый во всё рваное, «в тряпках», *«фуфайченка рвана, да всё таконно»*, водил его по домам. Лицо у обоих ряженных было закрыто тряпкой. Подобная пара ряженных могла легко напугать маленьких детей, и потому отец Редькиной заранее предупредил своих детей: *«Не бойтесь, я приведу медведя, а вы не бойтесь, он не тронет»*,

⁷ Лишь в Черной Реке информанты отрицали факты ряжения медведем: «никакими зверьками не ходили, вообще в шкуры не одевали» (Фофанова), уточняя, что негде было взять шкуру медведя (Смолькова).

что привело к противоположному эффекту у детей: они долго донимали расспросами бабушку: «*Бабушка, скоро ли медведь придёт, скоро ли дедушка медведя приведёт?*». В Поньгоме поводырь вводил медведя в дом на верёвке длиной около метра (Семенова, Дмитриева, Кутчева). В Княжей Губе после приветствия поводырь медведя обращал внимание хозяев на своего товарища: «*Вот с нами медведь ходит...*» (Сиверина, Золотарева).

Ряженому-медведю хозяева старались показать свое уважительное отношение: «*Двери ему открывают, знает, как господину, он же господин в лесу. Они же все, как господа, что медведь, что волк, они в лесу господа, как же, лесные господа у нас*» (Дещенина, Кереть)⁸.

В Керети, Черной Реке, Калгалакше, Гридино и Княжей Губе на Святки рязились оленем, используя для этого оленьи шкуры и рога, а лицо закрывали шкурой или марлей. В ряжении оленем отмечаются сходные черты с описанным ранее персонажем – медведем: как и у «медведя», у «оленя» на шее мог быть колокольчик, а входил в дом «олень» в сопровождении «поводыря» (Калгалакша). Входя в избу, олень опускался на четвереньки и нередко пугал своим видом детей, да и взрослые, как вспоминала Редькина (Калгалакша) нередко «*сами с расплóху пугались*».

Особенно популярным было ряжение оленем в Гридино, где еще в начале – середине XX в. было развито оленеводство и в каждой семье было как минимум по 3–4 оленя. В Черной Реке информанты объясняли небольшую популярность этого святочного персонажа в местной традиции, напротив, неразвитостью оленеводства в деревне (до войны в Черной Реке было только четыре оленя) и отсутствием шкур и рогов оленя у местных жителей. Однако Фомина вспомнила, что еще в конце 1930-х гг. Василий Владимирович Ва́ккулин ходил («притворялся») оленем.

⁸ Местные жители отмечали, что в лесу, соблюдая элементарные правила поведения, легко избежать угрозы нападения медведя: «*Медведь идёт своей дорогой, я иду своей дорогой. Вообще все звери идут своей дорогой, а мы, люди, идем своей дорогой. Если его не трогаешь, значит, он тебя не потрогает. А если, конечно, его разозлишь, там, стреляют, да всё, дак, конечно, он будет защищаться. Я пока, тьфу-тьфу-тьфу, медведя не видела, не встречались мне, а лось мне один раз встретился... Они не страшны, когда нет гона. Гон в сентябре месяце (свиженье)*» (Дещенина, Кереть).

Жительница Керети Дещенина вспоминала о случаях ряжения волком: «В деревне волчьи шкуры были, с головой, только глаза оставляют, завяжут шкуру под подбородком». При этом ряженные весьма успешно подражали волчьему вою, протягивая «Уоу-у! Уоу-у! Уоу-у!».

Единственный случай ряжения конем был зафиксирован в Поньгоме. В 1960–1970-х гг. семейная пара, скорее в качестве удачной шутки, чем следуя некой традиции, изобразила всадника на лошади. Муж встал на четвереньки и накрылся покрывалом, а жена села на него сверху (Дмитриева, Семенова, Кутчева). В других населенных пунктах ряжение лошадью информанты либо расценивали как хулиганство (Дещенина, Кереть), либо отрицали, уточняя, что лошадей в деревне не держали, все разводили оленей (Гридино).

Ряжение дедом и старухой было весьма популярно в традиции Карельского берега Белого моря, лишь в Поньгоме местные жители не припомнили святочного ряжения стариками. В каждом селении существовали свои половозрастные приоритеты для подобного ряжения. Так, в Керети стариками особенно любила рядиться молодежь (Дещенина), в Гридино же, напротив, дедом или старухой ходили только пожилые, *пожытые* люди, которым разрешалось самое разнообразное ряжение («они могли всё делать», Коновалова М.).

Для ряжения «дедом» использовали старую, рваную одежду, чаще всего вывернутую на левую сторону, шапку-ушанку, надетую задом наперед или боком, уши которой торчали в разные стороны (одно поднято, а другое нет). Обязательным элементом ряжения был горб из тряпок, при этом в Черной Реке к «деду»-горбуну хозяйка обращалась, используя специальные выражения: «Хозяюшки и свои оговорки знают и скажут» (Фофанова). Длинную бороду «деда», которая торчала из-под тряпки, закрывавшей лицо ряженого, делали из черного мха, растущего на сухих деревьях (Редькина, Калгалакша), белого мха или кудели (Косых, Нильмогуба), пакли (Дещенина, Кереть), конопли или конского волоса («бороду кладут из конопля всё, да от лошадиной хвоста» – Коновалова М., Гридино). Передвигался «дед», опираясь на палку.

«Старуха» (Кереть, Нильмогуба, Гридино, Черная Река) была одета в целом более аккуратно. Девушки и женщины для этого бра-

ли старые, но не рваные сарафаны, широкие подвязанные поясами тулупы; горб у старух был весьма редким явлением. Ряженные «старухи» в Гридино говорили «по-старушьи», изменяли «наречие», то есть произносили слова приветствия хозяевам старческим голосом (Коновалова М.).

На севере побережья – в Нильмогубе, Керети и Черной Реке – дед и старуха нередко изображались нищими или калеками, они хромали и, входя в дом, просили милостыню: *«Старика так, бороду привязали там, одели брюки, как это называется... да вот трубы обматывают, пакля-то вот эта, здесь паклю ведь дела сами-то другой раз... Бороду, брюки чьи-нибудь худенькие такие, и, желательно, с дырками, вот мужчина. Пиджак на левой стороне тоже, шапка какая-нибудь, ушанка, туда-сюда торчат уши в разные стороны, шарф, намотанный на шею, вот такое. А женщина в сарафане как всегда. Не в рваном и не в нарядном, рваном не ходила женщина никогда, просто в простом сарафане, в ситцевом, потому что эти, которые дорогие сарафаны, они только, они держали их только на выход, на праздник... Делали горб, все делали, горб делали, и, это, голова набоку, и по-всякому... (Почему голова набоку?) Ну, калеки, вроде как, "подайте там, Христа ради", да, что-нибудь ещё, идут хромают...»* (Дещенина, Кереть). Для сбора подаяния у таких ряженных-нищих были с собой корзинки (Павлова, Нильмогуба).

В Черной Реке «дед», приходя в дома, устраивал обрядовое построение домашней утвари или мебели: *«Свои выходы мужские, где с палкой, где чё-нить построить там, свои оговорки каки-то дают, ну, шо-нибудь, придёшь, допустим, в избу-то: ну, хозяйка, дай, чё-нибудь-то построим, дашь ли нам работу, такую, типа стройки. Хозяйка что отвечает, даёт топор, палку, он как дирижирует, не ударяет, а машет им, строит, например, табуретку. "Хозяюшка, я сделал". – "Ну, сделал, так садись за стол"»* (Фофанова).

В Калгалакше, Гридино и Керети женщины рядились беременными, подкладывая под одежду свёрнутую ткань, тряпки или подушку; размер живота при этом, по наблюдениям информантов, к концу XX в. всё увеличивался (Коновалова, Гридино). В Калгалак-

ше еще до Великой Отечественной войны ряженые разыгрывали роды. Одна женщина изображала беременную, ложилась на пол и кричала: «*Ой, рожаю!*», а другая принимала у нее роды. После успешных «родов» «беременную» начинали хлестать («хвастать») веником, так, как парят веником в бане новорожденного, хотя «ребенка» в виде куклы или свертка в руках у «роженицы» не появлялось (Редькина). В Поньгоме в Святки ходила «уже родившая» женщина с новорожденным «ребёнком» – куклой и просила хозяев пустить ее в дом попарить своё дитя. Старики активно включались в эту игру, обмывая «новорожденного» и «роженицу»: *«Мама рассказывала: пришли к родственникам с куклой: "Дайте мне, ребеночка у вас хоть и помою", а веник-то сухой, сухие листья. Она хвощет, а листу-то везде! А все смеются. А дедушка Саватей – тоже шутник был. А у них умывальник, называли тогда шайка, а там уже руки мыли, то, сё, ну, говорит: "Дак помыла, да похвастала, дак надо полить", а он с этой шайки да на ней всё! Так вот тешились...»* (Семенова).

Специфически поморской и наиболее распространенной формой ряжения «специалистом» можно считать ряжение рыбаком, зафиксированное во всех обследованных населенных пунктах Карельского берега, кроме Поньгомы и Керети. Идентификатором «рыбака» считались элементы рыбацкого костюма и сети. В Гридино, Керети и Нильмогубе ряженые использовали практически всё рыбацкое снаряжение: *«Они наряжались так, эти шляпы ведь были рыбацкие эти, курты-то эти, роконы, это всё»* (Дещенина, Кереть); в ряде случаев с вывернутой шубой надевали лишь рыбацкую шляпу (Сенякова, Кереть). В Черной Реке рыбацкая одежда не использовалась, информанты вспоминали лишь сдвинутую набок шапку у «рыбака». Сети «рыбаки» могли перекидывать через плечо (Калгалакша, Нильмогуба), повязывать наискосок (Гридино), крест-накрест (Кереть), обматывать вокруг тела (Калгалакша, Княжая Губа) или привозить в избу на керёжах (санках): *«Они с сетями и приходили, они рядились в сети, на керёже привозили. Керёжа знаете, мы на них катались с горки (по 5, по 6 человек на керёже), а сети только в керёже... Сани ставят посреди, говорят что-то вот, "Чтоб рыбы вам", ну, в общем, про рыбу чё-то всё говорят, говорят, а нам не до*

того, нам смешно, мы всё смеялись» (Дещенина, Кереть). В Черной Речке ряженные в избе изображали, как тянут невод, помогая себе трудовыми выкриками. Лицо «рыбаков» было закрыто марлей или вымазано сажей (в Керети).

В Калгалакше (Каностров) вспоминали о ряженном – «поваре», наряд которого состоял из куртки (фуфайки), фартука, а в руках у него был котелок с картошкой или небольшая сковорода («жърненка»). Приходя в дом, повар начинал стряпать: изображал разжигание костра и варку ухи (Богданова).

В Гридино, Поньгоме и Княжей Губе рядились цыганами. В Гридино «цыгане» выделялись среди других ряженных лишь измазанным сажей лицом и нарисованными усами. В Поньгоме «цыганки» надевали цветастые платки и, войдя в дом, пели традиционные плясовые песни и частушки «по-цыгански» с припевами «ля-ля-ля». В Княжей Губе одежда «цыганок» состояла, помимо ярких платков, также из нескольких одетых друг на друга сарафанов или юбок.

Единичными были упоминания о ряжении охотником (атрибутом такого ряжения было ружье) (Нильмогуба) и солдатом (для чего использовали военную форму) (Калгалакша).

Ряжение покойником, очевидно, не было характерно для традиции Карельского берега. В Нильмогубе Иванова вспомнила, что много лет назад, гостя в Керети, в Святки видела там ряженого смертью, но припомнить детали костюма этого персонажа не смогла.

Среди развлечений ряженой молодежи особенно популярными были закрывание дверей и печной трубы: *«закроют на крючок, особенно тому, кому утром на работу, веревкой дверь закроют, поленьев наложат к двери, трубу закрывали... на трубу положили стекло одной бабушке»* (Коновалова М., Гридино). Ряженные могли стащить в домах топоры, сани, увести из дома барана, которого потом хозяева безуспешно искали и даже предлагали выкуп за возвращение скотины (Ганичева, Княжая Губа).

Кроме того, ряженные разваливали у хозяев поленницу («костры»), если хозяйка не угостит их или обругает (Гридино, Поньгома, Княжая Губа). В Поньгоме с помощью поленьев ряженные старались

поспособствовать скорейшему браку между молодыми людьми, бракосочетание которых затягивалось: *«Жених и невеста, если долго женихаются, ходят девушка с парнем, долго не женятся... выстроят дорожку между ними из поленьев через всю деревню»* (Семенова, Ломиворотова).

В Черной Реке девушки пачкали золой или углем некрашенные («белые») полы в доме своей бывшей соперницы, у которой они недавно отбили парня: *«Сажки возьмут, если девушка перехватила парня у другой, – она, та, которая перехватила, идёт с сажкой к бывшей сопернице... бывало насыпят золы, углей накладывают в карманы, танцуют и растопчут их, а полы были белые, некрашенные...»* (Смолькова, Фофанова).

На севере побережья – в Черной Реке, Нильмогубе и Керети – ряженые подшучивали над детьми. Дети, бегая по улице, нередко задирали ряженых, дергали их и обзывали. Тогда в ответ на приставаания ряженые хватали их и наталкивали им полные штаны снега: *«Снег в портки напихали, вот мы в следующий раз спрятались в снегу, чтобы ряженые не поймали и снегу не напихали»* (Фофанова, Черная Река); *«А мы, маленькие, дразнили этих ряженых-то, тоже, как же?... Мы их дразнили, они нас поймают и напихают в штаны снега. Забыла эту притказку-то. По улице вот они идут тут, а мы бегаем и кричим там... так интересно притказка как... ну, в общем, дразнили их.... "Сядь-ко на снег, дыра погаснет, дыра горит..." Это дырки бывают у ряженых, прямо видно голое тело, это парни, скорее... А вот как мы их называли, не помню... Вот кто помоложе, так нас поймают, в штаны снегу натолкают, а шаровары раньше носили широкие, полные туда натолкают, а мы потом – кто не ревет, а кто и заревёт, что холодно же становится...»* (Дещенина, Кереть). Взрослые даже специально пугали детей, пытаясь заставить их вернуться домой с улицы: *«Нас пугали: "Вот пойдут ряженые, вас поймают, снегу в штаны напихают"». Так мы старались пройти до ряженых, как только увидим их – на печку домой бежим»* (Сенякова, Кереть). В Керети один мужчина-ряженный поступил еще жестче и, поймав детей, налил им в штаны воды из пробки (Нифакин).

Обязательным компонентом зимнего святочного календарного комплекса были **гадания**, с увлечением совершавшиеся жителями Карельского берега. В Черной Реке и Поньгоме для обозначения занятий гаданием применяли специальные термины: *колдовать* (Черная Река) и *кудеситься* (Поньгома).

Для гаданий на «вещий сон» использовались разнообразные предметы: чулок, ключ, замок, гребень, шапка или мочалка.

Одним из наиболее популярных гаданий Карельского берега Белого моря было *гадание с чулком* («чулок мочить» или «ногу мочить»). Общий алгоритм этого гадания представляется следующим: поздним вечером, перед сном, девушки шли к проруби и окунали в воду одну ногу в чулке. После этого они бежали домой и, ни с кем не разговаривая, ложились спать в мокром чулке, загадывая, чтобы их будущий избранник явился им во сне и снял чулок («кто придёт тащить носок») со словами: *«Суженый-ряженый, приходи чулка тянуть»*. Большинство информантов, которые сами гадали с чулком или располагали достоверной информацией о подобном гадании, полученной от родных, утверждали, что во сне им или их близким приснился именно будущий супруг: *«Мама говорит, тут ещё надо в проруби чулок помочить, и вот там у ней, мама дежурила, раньше ведь в поселковом совете у телефона дежурили, каждый из дома, все работающие, кто работал. И мама дежурила, а там Василиса-то, покойница, молодая была ещё, заведующей клубом потом у нас работала, и говорит: "Катя, давай я схожу, помочу, только ты посмотри за мной, а вдруг меня утянут". Ну, мало ли, она так говорит, да утянут в прорубь, знаешь, кто знает. Несчастные случаи всякие бывают. Ну вот, она пошла там, намочила, принеслась, вся, говорит, бледная, что испугалась... Мочат до середины ноги, и вот, не снимать, идти спать ложиться. Побегала домой спать, она жила рядом с сельсоветом. И утром мама говорит: "Ну, чё приснилось-то, кто снимал с тебя носок-то сырой?" – "Ой, не знаю, – говорит, – какой-то незнакомый мужик". Мужик, говорит, а не парень. И, правда, она вышла за женатого уже, эта Василиса-то, с парохода, тут пароход ходил... Приходят к проруби, постарайся хорошенько, чтобы туда не упасть-то самое главное, вот, намочи и прибежишь, и*

тоже ничего не говори, сразу беги в постель. Мама уж ей предупредила. Мама у нас не гадала никогда ничего, не верила ни в какое гадание, набожная была» (Дещенина, Кереть).

Гадающие выбирали прорубь на реке или озере, расположенную ближе к дому. Если же находились вдали от дома, то делали прорубь специально для гадания. Так, жительница Калгалакши Богданова вспоминала о гадании с чулком на тоне в Лёхлудах, где она в юности *«была на навагах»* и вместе с подругами сделала прорубь на реке заранее: *«...Прорубь делали на тоне, были на навагах в Лёхлудах, было много девушек, рыбачили у реки, да на берегу моря. Выпешали днём прорубь на вечеру, а потом бегали мочить. Омочили ногу все и побежали все в горушку, выставились в избушку, под нары сунулись и спать. Утром встали и стали спрашивать друг у друга, что приснилось. А я говорю: "Мне-ка приснился парень с оленем" – так у моего мужа семья держали оленей, так за него и замуж вышла»* (Богданова).

В Поньгоме гадание с чулком несколько отличалось от версий других сел. Здесь девушки снимали мокрый чулок еще у проруби и несли его домой в руках, надевая валенки на босую ногу. Мокрый чулок они клали под подушку и в словах, призывающих суженого, просили или снять чулок, или же, напротив, одеть его (Дмитриева, Семенова, Кутчева).

В Калгалакше перед окунанием ноги гадающие зачерчивали прорубь, обходя вокруг нее трижды *«не по одним следам»*, то есть с каждым разом расширяя круг. При этом произносили слова: *«Чертись, черта»* (для первого круга), *«Чёрт черты боится»* (для второго круга), *«Черта черты дальше»* (для третьего круга): *«А вот в прорубь, дак придешь, замёрзла если – распешешь, прорубь выпешашь, и кругом проруби бегашь в чулку, в чулках... "чёрт черты боится" – вот пробежала я едак, а второй раз – дальше, дальше, "черта черты дальше", ногу омочишь, и придти нать с мокрой ногой спать повалиться, и что тебе приснится»* (Ефремова). В других населенных пунктах побережья, по сведениям информантов, чулок мочили молча.

Весьма распространенным было гадание с ключом и замком, положенными под подушку. Оно представлено в населенных пунктах

Карельского берега в ряде версий. В Гридино под подушку клали ключ от замка и звали суженого отмыкать сундуки или ящики с приданым, говоря перед сном: *«Суженый-ряженный, приходи зада-ток брать»*. *«Было, полагали ключи: будет отмыкать ящики, будет ли брать своё приданно, задатком давать, ейные наряды»* (Коновалова М.). В Калгалакше, положив ключ, звали суженого отомкнуть дверь: *«Повалилась спать и клала ключ под голову на Святки, приснилось, что пришла в дом будущего мужа, а золовка была здесь. Она мне встретилась на мосту быдто: "Ты к нам идешь? Ключ-то знаешь ли где?"*. *Как потом женились, пришла, вот как в руку клала, как вот видела во сны, так даже мне все вот как наяву быдто. Вот самого не видела, хозяина-то этого, жениха, а только золовку. Ключ у них от дома был в дырочке положен. Я и поверила, я сама ключ клала... потом в самом деле ключ оказался, в дырочку они клали»* (Редькина).

В Княжей Губе на косу вешали замок, а ключ клали под подушку и призывали суженого отомкнуть замок. В Гридино и Поньгоме в гадании могли участвовать двое, чаще всего девушка и ее мать. В таком случае закрытый замок девушка клала под подушку и звала: *«Суженый-ряженный, приди, отомкни замок»*, а ключ от замка оставляла себе ее мать, которая и видела во сне будущего зятя.

В Поньгоме было зафиксировано довольно редкое гадание с молчалкой для вытирания стола и мытья посуды, которую также могли класть под подушку. Во сне гадающая должна была оказаться в доме, в который она выйдет замуж: *«Вот спать ложисся и надо сказать: "Приснись, где буду жить"»*. *Приснился мне сон. Я как будто затираю стол, ну, видно, так уж думаешь, так что и приснится. Посмотрела: лес кругом. Господи! Потом утром встала, я говорю: "Я на каком-то полустанке буду жить"»*. *А оказывается, там дом и там лес кругом. Так это правда или неправда»* (Семенова).

В Калгалакше и Гридино под подушку перед сном клали гребень. В Калгалакше это гадание проходило в целом традиционно: суженого звали расчесать волосы будущей невесте во сне. В Гридино же гадание бытовало в ином виде. Использовали гребень с волосами владелицы, который клали на ночь на притолоку в сени. Утром же отмечали имя, отчество или фамилию первого мужчины, кото-

рый пройдет под гребнем; они по представлениям должны были совпадать с именем будущего жениха девицы: *«Голову чесали гребёнкой, и этово, расчёшут, с волосамы на бров кладят в сени (бров – это над дверямы сверху). И вот, придёт какой жених, какой мужчина придёт – или имя, или отчество, или фамилия – вот это жениха... первый под ней придёт...»* (Коновалова М.).

В Поньгоме под подушку клали мужскую шапку и просили суженого прийти за ней. Поньгомчанка Семенова, гадая в юности, во сне увидела знакомого парня, который явился к ней за шапкой своего друга: *«Я пришел за шапкой, Валерий послал»*. Утром мать разъяснила девушке, что, если жених кого-то посылает за своей шапкой, то замуж она выйдет нескоро, во всяком случае, не в этом году.

В Гридино в гадании на сон использовали также коробок спичек. М.Коноваловой, гадавшей таким способом, приснилось, что она пришла в дом своего будущего мужа и, увидев его сестру, сказала ей: *«Я пришла печку затоплять, дай мне спички»*.

Во всех селах побережья девушки гадали по жребию, вытягивая ночью (впотьмах) из «костров» (поленниц) поленья и отмечая, какое полено им досталось. В Гридино подчеркивали, что *«полено вытягали»* правой рукой, в других населенных пунктах эту деталь гадания не конкретизировали. Внешние признаки полена, считалось, указывали на физические качества будущего мужа: если полено было корявое, то и жених будет корявым, если прямое, то жених будет хороший, красивый (Дещенина, Кереть). Внимание обращали также на суки на поленьях. По ним судили о сексуальных достоинствах будущего мужа: *«Вытянем, посмотрим: сук большой на полене или маленький, потом бросим и убежим со смехом»* (Коновалова М., Гридино) или о богатстве семьи жениха: *«Если гладкое полено – богатый будет жених, сучковатое – бедный»* (Ганичева, Княжая Губа).

В Княжей Губе гадали также «на чет-нечет»: набирали охапку дров, сколько уместится в руках, и разделяли их на пары. Если все набранные поленья сложились в пары, то девушка выйдет замуж в этом году, если число поленьев оказывалось нечетным, то в этом году свадьбы не будет (Сиверина, Золотарева).

В Поньгоме парни и девушки гадали, доставая жребий – бумажки, на которых были написаны женские и мужские имена. Бабушки, помогавшие молодежи в этом гадании, сами писали имена и клали бумажки за икону, откуда потом гадающие их вытягивали. Любопытно, что рассказавшая об этом гадании поньгомчанка Семенова в юности вытянула бумажку с именем своего будущего мужа – Валера, а он в свою очередь вытянул бумажку с ее именем – Татьяна. Впрочем, Т.Семенова не уверена, не подстроил ли ее муж такой расклад, так как он к тому времени уже долго ухаживал за ней.

В Керети, Калгалакше и Поньгоме гадали с петухом. Девушки раскладывали кучки зерна на полу в избе и вносили в дом птицу. Цветовые характеристики петуха при этом значения не имели, нужно было, *«чтоб умный только был, а цвет любой»* (Дещенина, Кереть). Считалось, что первой замуж выйдет та девушка, к чьей кучке петух сначала подойдет. В Княжей Губе гадание несколько отличалось от описанной формы. Гадающие здесь раскладывали на полу или столе катышки хлеба, каждый из которых означал какое-то важное обстоятельство жизни и судьбы гадающего (*«что хотите, что больше на душе»*): болезнь, здоровье, свадьба, богатство и пр. Петух подходил и клевал один из катышков, тем самым указывая на будущее гадающего (Ганичева).

Принцип определения будущего с помощью выбора животным одной из кучек лежал и в основе гадания с мусором, некогда распространенного в Гридино: *«Если пол подметёшь, выносишь, в этово, на улицу, собаки разрывают там три кучи, там тебя и двух подружек: чью первую кучку, значит, тая перва и выйдет замуж»* (Коновалова Л.).

На юге побережья – в Калгалакше, Гридино и Поньгоме – было распространено гадание по первой испеченной в Святки шаньге или калитке. С этой калиткой гадающий (ребенок или молодой человек) отправлялся на улицу и узнавал имя (или отчество, фамилию) будущего супруга по первому встреченному им человеку: *«В Рождество пекли калитки, был младший брат у меня, бабушка дала ему, помазала и говорит: "Иди, Витька, сходи, этово, на дорогу, поди, кто к тебе встретится – женищина ли, мужщина, на то имя будя у тебя жена"». Он так-то знал всех из деревни, мог и не спрашивать. Это*

первая калитка была, он идёт, не ест, женщине, которая встрети- лась, дает калитку и бежит домой... Бабушка спросила ево: "Кто тебе встретился?" – "А Катерина встретилась". Там старушка шла, так и жена была у него Катя» (Богданова, Калгалакша)⁹. В Гридино и Поньгоме шаньгу не отдавали встреченному человеку, а просто проходили молча мимо и возвращались домой: «Я пошла с шаньгой, котору мать первой испекла, рано, идёт Селивёрст Егo- рыч навстречу, хромой старик. Ну и что получилось. Селиверст, да. Фамилия-то дедушки Семенов, я вышла за Семенова. Вот, прав- да это или неправда» (Семенова, Поньгома).

Многочисленные рассказы информантов о разнообразных гада- ниях на слуховые впечатления свидетельствуют о популярности этих способов в традиции Карельского берега Белого моря. «Слу- шать» ходили на перекрестки (*росстани*), под окна домов, к церкви, амбарам, заброшенным домам, проруби и колодцу, в поле. При этом гадающие зачерчивались, могли садиться на шкуры животных или на сани и, накрывшись покрывалом, ждать, откуда и что им послы- шится. Слушание могло дать информацию гадающему о качестве и обстоятельствах его жизни в будущем году или в целом в семейной жизни. Разговоры и звуки, которые удавалось подслушать гадаю- щим, иносказательно (символически) описывали их судьбу.

Самым распространенным местом гадания служили росстани (*рoстани, росстаня*) – перекрестки дорог, расположенные за дерев- ней: «Надо было придти, где расходятся дороги, у нас всего было здесь, вот там, когда к церкви идёшь, там вот так дорога была и туда на кладбище, у нас на двух дорогах, больше не было у нас пере- крёстков, рядом имею в виду. Там вниз у нас дорожка шла, потому что там жили, там были дома, вот и на эти мы ходили. Надо, ко- нечно, говорят, ходить, там, где не живут люди, ну, у нас не было такого, и мы ходили вот туда, к кладбищу, но ничего мы там не вывели... Мы пришли на дорогу на эту, и там, слова надо ска-

⁹ Впрочем, точно установить, было ли распространено гадание с калиткой в Калгалакше, не удалось, так как А.Богданова — единственный информант, который вспомнил о нем. Вместе с тем другая жительница Калгалакши, А.Редькина, предположила, что, поскольку ей это гадание не известно, оно было передано А.Богдановой ее матерью — уроженкой Летней Реки.

зять, что, мы молодые были, нам женишка надо было, с какой стороны придёт к нам женишок... Не помню, надо узнать, кто в этом году замуж выйдет и всё, но никто, ничего не было, так мы никто и не вышли, мы смеёмся... Зачерчивались палочкой, палочка такая, надо, чтобы была деревянная палка, вокруг... Станешь, отчертишь себя, вот так вот... Крест не рисовали, может мы не знали что-то, а может, это нам сказали, нам же старые люди говорят, и мы... Лично мы ничего не слышали никто» (Дещенина, Кереть).

В Калгалакше и Гридино, зачертившись на росстани, после слов «Откликнись, голосок, где мой миленький дружок» девушки начинали *у́кать* – протяжно кричать «У-у-у-у!», прислушиваясь, в какой стороне отдается эхом их голос – там и жил их будущий муж (Богданова, Калгалакша). В Гридино слова при зачерчивании могли быть и иными («чтобы бес подошёл к ним»), а девушки дополнительно укрывались под полотном – «под рогзой сидели, под брезнём (парусиной) сидят» – и по услышанному судили не только о месте проживания их суженого, но и о будущем всего селения и страны: «...И слушают, ночью, хлебный ли год будет – слышится, как хлеб везут, бубенчики звенят, кричат, когда везут воз, разговор возчиков слышен, а что именно – не слышно, а бес не будет говорить этого, чтобы полностью ты поняла, разговор и есть, едут, трудятся, везут груз. Или дожидаются, чтобы войны-то не было, война если – слышно, как войска идут... это всё бес говорит...» (Коновалова М.). В Княжей Губе добавляли, что, если во время такого гадания слышится, как доски трещат или что-то ломается, – это к смерти в семье гадающего или его собственной кончине (Сиверина).

В Поньгоме на перекресток, расположенный за мостом, или в поле за деревней девушки ходили «полоть снег». Для этого на месте гадания очерчивали себя со словами «пололи снег» (взрыхляли снег палкой), после чего слушали, в какой стороне послышится собачий лай: «Пойдём туда за мост и полем снег чем-нибудь, ну не обязательно, ну хоть копырюгой: "Полю, полю снежку, приговариваю, откликнись собачка, откуль женишок". Говорят так по очереди, хотя ходили и по несколько человек... зачертиться можно и рукой, варежкой, лишь бы по снегу» (Семенова). Часто знавшие о намере-

ниях девушек погадать парни или случайно увидевшие гадающих мужчины разыгрывали их, начав лаять: *«А дедушка Савватей был в туалете, услышал, что девушки гадают, и сказал: "Ав-ав-ав", вот в ихнем доме я и оказалась-то... ну, не знаю, нарочно он так сделал или нет...»* (Семенова).

Шкура убитого домашнего животного активно использовалась в традиции Карельского берега Белого моря в качестве медиатора. Сидя на шкуре и накрывшись тканью, гадали на перекрестке (Гридино, Поньгома), у проруби (Боярская), колодца (Гридино), заброшенного здания (Черная Река). В большинстве случаев информанты не смогли уточнить, какому именно животному принадлежала шкура (предположительно – корове или овце), и лишь в Гридино гадали на оленьей шкуре.

В Гридино и Калгалакше информанты отмечали, что гадание на шкуре – по преимуществу, мужское, довольно опасное и страшное (*«там мужчины с дьяволом говорят»*, Ефремова, Калгалакша) и женщины его практиковали редко, хотя некоторые рассказывавшие о гадании женщины в юности сами в нем участвовали (Коновалова Л., Гридино; Ефремова, Калгалакша).

Обязательным условием гадания на шкуре было зачерчивание. В Гридино и Поньгоме очерчивались палкой один раз по солнцу и ставили в конце круга крест (Коновалова Л., Гридино). При этом особенно важно было зачертить хвост шкуры. Забывавшие это сделать гадающие испытывали ужас. Считалось, что дьявол, нечистая сила начнут их таскать за этот оставшийся вне круга хвост. Так, Т.Семенова из Поньгомы рассказывала о случае, происшедшем с ее подругами во время гадания на коровьей шкуре: *«На росстани, на три дороги, сели, забыли хвост обчертить, закрылись одеялом, шорох да шорох, сидят, а черт их притаишил к мосту... Как открылись – у моста, испугались да побежали, а все казалось, что кто-то бежит за ними, как будто черт стал кидать камнями... а может кто-то из взрослых пошутил...»*. Другой эпизод неудачного и опасного гадания рассказала Р. Ефремова (Калгалакша). Четверо мужчин сели на шкуру на перекрестке, спинами друг к другу и раздвинув ноги. Зачерчиваясь, они забыли захватить хвост шкуры, и тогда то ли леший, то ли черт, которых на них напустил колдун,

стал их таскать. Один из мужчин ухватился за хвост, другие – за него и стали пытаться выдернуть хвост у нечистой силы, однако освободиться не получалось до тех пор, пока они не стали все молиться, только после этого нечистая сила оставила гадавших в покое.

Любопытную параллель мотиву таскания нечистой силой гадающих на шкуре мы отметили в свадебном обряде Калгалакши. Однако в данном случае, в ходе инициации молодой пары использовалась шкура медведя – весьма распространенный атрибут северорусской свадьбы, да и само катание на шкуре воспринималось уже не со страхом, а как развлечение. Зимой или летом во время свадьбы молодых сажали на медвежью шкуру, накрывали шалью и несколько мужиков начинали их таскать от дома жениха к дому невесты: *«Мне тоже не удалось, это я слыхала, на медвежьей шкуре, медвежьей, раньше-то ведь бывали, потащат на медвежьей шкуре... Ну, веревку приделают мужики, как их звать, двое сидят этих, молодых, закрытых шалью, большой... где-ка снегу больше ли, или летом вот, ключёвье, они нарошно по таким таща их, они дёржятся друг за дружкой, шалью просто закрыты... Из дому выдут, вот тут-то и пойдут петать, ну, баловать пойдут... они, это, удовольствие получали такое, чтобы им интересно было... к дому невесты притащат, чаю попьют, потом к жениху тащат...»* (Ефремова).

В Боярской девушки устраивались на шкуре на льду рядом с прорубью, зачерчивались и, накрывшись покрывалом, прислушивались, *«что-то должно причудиться»*. Если слышался скрип снега, как будто кто-то едет или идёт, значит, в этом году к гадающей приедут сваты. При этом, если кажется, что идут на лыжах, – посватают из бедной семьи, едут на лошади – из зажиточной (Соболева). В Гридино местом для гадания жители выбрали родник-колодец: *«Сидели у колодца, сидели на шкуры на оленьей и закрывались, этово, белый полотном, и вот, мы сидели у родника Волосьнего¹⁰, как раз, у конца сидели мы, сказали что-то "суженый-ряженный, перетянуть нас..." , чё-то страшно нам было, у нас, да мы как, трешишит, ведь*

¹⁰ Волосьним родником в Гридино называли колодец, расположенный в конце деревни, в ее части – Волости. Другая часть деревни, выходящая к морю, называлась Варницей (там раньше варили смолу).

страшно сидеть ночью-то, перепугались, убежали, больше и не стали делать. Посидели на шкуре на оленьей» (Коновалова Л.).

Фофанова, жительница Черной Реки, рассказывала о гадании на шкуре у заброшенной школы в годы Великой Отечественной войны, в с. Концебор Кожевенского района Коми ССРС, где они находились в эвакуации. Три девушки пошли слушать к пустой школе, так как под окнами домов им показалось не так интересно. Усевшись на шкуру, они услышали вдруг топот, как будто лошадиный, хотя рядом никого не было, и, испугавшись, схватили шкуру за хвост и убежали без оглядки. При этом они не зачерчивались и не говорили никаких слов, возможно, потому их, как сказали местные жители коми, *«понеслось со шкурой»*.

Другим медиатором при гадании-слушании в Нильмогубе, Нильмозере и Поньгоме были сани, на которые усаживались и накрывались гадающие. В Поньгоме при гадании на росстани на санях повторился случай с утаскиванием гадающих нечистой силой. Сидящие под попоной девушки услышали шум, и, открывшись, обнаружили себя около речки, объяснив это вмешательством лешего (*«леший принес»*) (Семенова, Поньгома). В Нильмогубе и Нильмозере сани ставили на перекрестке и на проруби. При этом на проруби, дождавшись, когда вода поднимется до уровня сидящих в санях, гадающие вступали с нечистой силой (*«чертями»*) в диалог, разгадывая нумеративные космогонические загадки типа *«Что один?»* – весьма распространенные в карельской традиции. К сожалению, информанты смогли припомнить только некоторые ответы на вопросы серии, поскольку были малы, и взрослые их не отпускали на столь рискованное гадание. Они знают об этом гадании лишь по рассказам: *«Что один? – Один нос. Что два? – Два уха... Что четыре? – Четыре колеса у телеги. Что пять? – Пять пальцев на руке... Что девять? – Девять дырок в человеке»* (Иванова, Нильмогуба; Косых, Нильмозеро).

Ходили слушать и под окна домов. Речи хозяев о достатке и удаче означали для подслушавшего богатую жизнь, о свечах и лампадах – смерть, о хлебе и зерне – долгую счастливую жизнь: *«Мама мне рассказывала, что ходила слушать с подругой. Пришли слушать, подруга говорит: "Я буду теперь, пусть мне-ка, чё ска-*

жут". И, говорит, слушаем, и вдруг, говорит, вышла, говорит, старуха и говорит: "А где моя лампадка, где спички, где лампадку надо зажечь?". Она говорит: "Ой, я умру!". И через год она умерла, эта девушка. А моей мамы прислышился, ей: "Надо сита, хлеба растворить, надо сита принести, мука сеять, хлеба растворить". Мама и жила 82 года» (Богданова, Каностров).

Если в доме в то время, как под окнами прислушивались гадающие, плакали дети – это предвещало либо скорое замужество (Сенякова, Кереть), либо многодетность гадающей: *«Подходили к окнам: плачут дети или нет, слушали, что там говорят; если дети плачут, значит, дети будут у тебя. Я ходила, там дети ревели, запомнила на всю жизнь, ведь у меня было 5 детей. Если будут дети реветь, значит, у тебя детей будет много, у меня вот сбылось»* (Деценина, Кереть).

В Святки могли ходить слушать к бане, хотя многие информанты отмечали, что там было очень страшно и не каждый решался на такое гадание (Богданова, Калгалакша). В Черной Реке и Нильмогубе (где в банях устраивали посиделки, пекли блины и рассказывали сказки) чаще гадать приходили к амбару. Фофанова из Черной Реки рассказывала о двух таких гаданиях, в которых участвовала она и ее мать. Сама девушка ходила слушать к амбару ночью в компании с подружкой и двумя молодыми людьми, но ничего не услышала, хотя знала, что, если в амбаре послышится стук, – это к смерти. О другом несостоявшемся гадании у амбара рассказывала Фофановой мать. В амбаре оказался специально запертый там парень, который, услышав слова матери *«Суженый-ряженый, откликнись»*, отозвался словами *«Луку́ на муку́»*, чем перепугал гадающую, так как она ждала услышать имя суженого, а не эти страшные и бессвязные слова.

В Керети и Поньгоме рассказывали также о слушании у церковного замка: *«Это нам женщина одна сказала, здешняя, наша: "Сходите-ка к церковному замку, вы сразу узнаете, что будет в жизни". Мы ходили, по-моему, мы на Старый Новый год ходили. А мы ходили ещё, церковь была закрыта, ходили слушать в церковь, к замку к церковному, все боялись. Нас, наверное, 5 человек собралось девчонок, и туда, там же кладбище рядом, мы этих*

кладбищ боялись. Мы к церковному замку пришли. Сначала надо на церковное крыльцо зайти, никто не хочет, бояться все. "Кто храбрый?" Я говорю: "Девки, я пойду". Ой, ступлю на это, до чё боялась, честно говорю, до чё боялась церковное-то крыльцо. Ну, потом всё же я зашла, и это вот так ухо прислонила к замку, там такой шум, мне показалось, ну, мне кажется, слышится, вроде как что-то там шумят, что-то там делают, что-то там колотят. Ой, что-то нехорошее. Я отскочила и говорю: "Девчонки, идите". – "А что тебе?" – говорю: "Ничего", не стала говорить. И ещё одна нахрабилась, а больше никто не пошёл. Ну вот, всю жизнь вот колотят у меня, всё стучат, такая жизнь у меня никуда не годная. Ну, имею неприятности всю жизнь одни. Замуж вышла, ну, дети народились – это одно, мужа убили, это, убили на заводе, вот здесь у нас, сосед тоже дрался, дрался с женой, а мы, как дурачки, ходили выручали. Вот один раз он пошёл, а он его из ружья выстрелил, насмерть прямо. А потом ещё второй раз в висок, так всё разодрал тут. Ну, в общем, вот, и так всю жизнь, вот, я этот церковный замок вспоминаю» (Дещенина, Кереть).

Плач, услышанный у двери церкви, означал скорую смерть кого-либо из близких или самого гадающего. Напротив, послышавшийся из-за дверей церкви отзвук венчания предвещал свадьбу (Семенова, Поньгома).

Практически повсеместно были распространены на Карельском берегу и гадания на зрительные образы. В Калгалакше и Поньгоме удалось зафиксировать гадания с замерзшей водой. В Калгалакше воду в миске выставляли на мороз на ночь и утром рассматривали, как она замерзла: если гладко, то год будет удачным, если с трещинами – грядут неприятности (Ефремова). В Поньгоме на ночь клали в снег деревянные ложки с водой. Утром примечали: если вода замерзла прямо, то житье будет хорошим, если горкой – богатым, если с углублением – бедным. Т. Семенова подчеркнула сходство выводов этого гадания с местной приметой о резке хлеба, который нельзя резать ямкой, иначе семья обеднеет: «Говорили: "Не коверкай хлеб, режь ровно"».

Практически повсеместно на Карельском берегу гадали, наблюдая за тенью, которую отбрасывает на стене сожженная перед печ-

кой бумага. Каждый гадающий сам трактовал увиденный контур, видя то машину (значит, уедешь из деревни), то могильный холм или крест (к смерти).

В Калгалакше наблюдали за горением лучины, которую зажигали в снях и подносили к трубе: если она горела хорошо, то год будет удачным, если же гасла – к неприятностям и бедам (Ефремова).

В Княжей Губе и Поньгоме удалось зафиксировать целую группу гаданий, о которых не слышали жители других сел Карельского берега. Особняком в ряду записанных рассказов стоит гадание по тени (следу) в снегу, которое удалось зафиксировать в Поньгоме. Девушки шли вечером на свое поле и падали в снег спиной, оставляя таким образом на нем контур своего тела. Утром же наблюдали: если контур (тень) остался один, то замуж в этом году гадающая не выйдет, если же девушке виделись две тени (дополнительный абрис вокруг следа на снегу), то она скоро должна была выйти замуж. При этом обязательно нужно было рассмотреть свою тень на снегу утром, так как днем этой второй тени можно было уже не увидеть (Дмитриева)¹¹.

В Княжей Губе гадали также по отпечатку, оставленному в снегу противнем, который к утру уже был затоптан: *«Противень хлопнут на снег на перекрестке, вечером, потом смотрят, какой след, если в сапоге след – бедный жених, если в валенке – тепло и хорошо, богатый жених»* (Ганичева).

В Княжей Губе бабушка молодого человека гадала на золе, которую ночью тайно и со словами заговора рассыпала между домами внука и его потенциальной невесты. Утром бабушка примечала, в какую сторону направлены следы, оставленные людьми на дорожке из золы: если следы шли к дому парня, то можно уверенно свататься, если же к дому девушки, то стоило отказаться от планируемой женитьбы, девушка не достанется молодому человеку (Ганичева).

¹¹ Подобное гадание автору удалось зафиксировать на Поморском берегу Белого моря в с.Нюхча в 2003 г. Нюхотские девушки также оставляли свой след на снегу вечером («бросали тени»). Однако утром они обращали внимание на поверхность своей «тени»: если она оставалась ровной, то муж будет любить девушку, если оказывалась как бы посеченной линиями — значит, муж будет ее бить.

Кроме того, в Поньгоме наблюдали также, какие формы принимал свечной воск, вылитый в воду, а в Княжей Губе – расплавленный свинец в стакане с водой (в который дополнительно клали снег, чтобы вода была холодной).

Гадание с зеркалом считалось одним из самых страшных, так как совершалось в полночь, в одиночестве, в темном помещении, кроме того, в любой момент могло «почудиться», то есть можно было ожидать появления из зеркала враждебного к гадающему «духа», «чёрта», нечистой силы: *«Тяжеловато в зеркало смотреть, знаешь дух выйдет...»* (Коновалова Л., Гридино); *«Тяжело глазам стало, заходило всё, как вот мосты под ногамы зашевелились, это уж чё зачудилось нам, как будто ноги, как доски, пол шевелятся, страшно стало»* (Редькина, Калгалакша).

В гадании использовали два зеркала, одно ставили перед собой, другое – за спиной, так в зеркалах получался бесконечный «коридор». Между собой и зеркалом размещали стакан с водой, в которое клали золотое кольцо. По сторонам от зеркала зажигали две свечи и, позвав, долго смотрели, но не в зеркало, а в кольцо в стакане, ожидая увидеть суженого (для этого нужно было его позвать: *«Суженый-ряженный, покажись»*) или событие, которое может произойти в будущем. По окончании гадания зеркала переворачивали и ложились спать. В Калгалакше и Гридино гадающие дополнительно накрывались вместе с зеркалом покрывалом.

В Княжей Губе и Черной Реке стакан с водой (без кольца) ставили на листок бумаги в горстку золы. При этом в Черной Реке информанты отмечали, что обязательно перед гаданием необходимо открыть печную трубу, а гадать начинать незадолго до полуночи, и, как только пройдет 12 часов, стакан нужно закрыть одной рукой, а второй прикрыть сверху: *«Если стакан не закроешь – там тебе такое бульканье будет! Такой ералаш будет в стакане, страшное дело!»* (Фофанова).

Жительница Черной Реки Фофанова сама несколько раз гадала со стаканом, и один раз ей привиделась открытая могила (и скоро умерла сестра), а в другой раз – «рожа» будущего мужа. А. Ганичева из Княжей Губы вспоминала, как им с сестрой помогла погадать бабушка. Гадание оказалось удачным и правдивым. Совершая ман-

тический обряд для сестры, бабушка увидела в стакане сидящего священника и двоих детей, что было истолковано ею как знак скорого замужества, гадая же на А. Ганичеву, увидела лежащего на столе человека и двоих людей, склонившихся над ним. Действительно, скоро А. Ганичева попала в больницу.

Во второй половине XIX в. по всему Карельском берегу Белого моря распространилось гадание с блюдцем, которое двигалось под пальцами гадавших по бумажному кругу с нанесенными на него буквами и цифрами и образовывало таким образом слова, отвечавшие на вопросы гадания. Считалось, что с гадающими разговаривает черт или дух литературного персонажа, например, Пушкина или Лермонтова.

Практически во всех селениях Карельского берега на **Крещение** (Об.01) купались в иордани – проруби, которую специально прорубали накануне праздника на озере, реке или заливе. В Калгалакше прорубь устраивали на оз. Домашнем, у моста, соединявшего две части деревни – Калгалакшу и Каностров, неподалеку от церкви. Вырубавшие прорубь мужики шли к водоему с песнями (Ефремова, Калгалакша). В этой проруби в Крещение купались не только местные жители, но и гости из Гридино, приехавшие в Калгалакшу на престольный праздник: *«Родственник ездил каждый год в Калгалакшу "креститься"... ёрдану-то наделают, сделают, он освятит, этот, поп-то, и тогда бросается, на полотенцах кидают»* (Коновалова, Гридино). В Керети прорубь вырубали на заливе также напротив церкви. В Черной Реке, Поньгоме, Княжьей Губе и Нильмогубе иордан делали на реке до порогов. В Боярской, по воспоминаниям информантов, купались только старики, ходившие для этой цели в д. Пиньгосальма на оз. Кереть (Соболева). Размер проруби варьировал от 3 м на 3–5 м до весьма значительных размеров (20 на 20 шагов в Калгалакше).

В Калгалакше, Керети и Княжьей Губе в крещенском купании принимал участие поп, предварительно освящавший воду. Кроме того, купавшиеся обязательно посещали церковь, напротив которой была вырублена прорубь. В Калгалакше купаться в иордани бежали из церкви и после троекратного погружения в воду возвращались обратно, где одевались. Редькина из Калгалакши вспомнила мужчи-

ну, который трижды окунался с головой в прорубь и после каждого окунания бегал в церковь. В Керети мужчины после купания переодевались, обходили церковь кругом и только потом заходили в нее (Сенякова, Кереть). В Княжей Губе местные жители вспомнили предание о том, как деревенская девушка в Крещение трижды окунулась с головой в прорубь на «ламбине», расположенной неподалеку от церкви, рядом с кладбищем на спор с иностранным купцом. Залезать в воду ей помогал священник (Ганичева).

Купавшихся в нижнем белье опускали (чаще двое мужчин или парней) в прорубь на полотенцах, обвязанных вокруг талии, и помогали выбраться обратно. В Поньгоме и Княжей Губе эту помощь объясняли также тем, что раньше реки в деревнях были полноводные и купавшегося сильным течением могло затянуть под лёд.

По представлениям керетчан, купание в крещенской проруби помогало людям избавиться от грехов («грехи сдавать»): *«Вот в Крещенье, как, грехи, как сказать. В Крещенье у нас делали, вот там вот склады были большие, ну, залив замерзал, вот, а вот здесь, по задней улице, дорога шла прямо на залив, у нас была культурная улица. А там была как грузовая, лошади ездили на завод. От церкви, там ёрдан как делали, большой ёрдан делали, и кто желал купаться, в этом ёрдане грехи сдавать, туда все шли пешком, а обратно стояли лошади с шубами, что как только вот искупаются, сразу в шубы и на лошадь, и домой, не в церковь, а домой сразу.* (Вопрос: *”А большой ёрдан по размеру был?”*) *Ну, как сказать, когда я бегала, он большой был, квадратный. Лёд был, конечно, большой, зима, январь месяц, так все, кто желал, купались, и сразу тащили их. В рубаше и до трусов... Там, наверно, было, не было ли лестницы, потому что не было веревок, так они – брык! туда – и обратно... Там поп был, там освящал он эти, и ёрдан освястил сначала, освящает сначала, потом кто лезет – его освящает и всё, и когда вытащат, дак везут быстрее домой, чтобы его разогреть, рюмочку да, может, стаканчик, не знаю»* (Дещенина, Кереть).

Жители Черной Реки полагали, что особенно важно искупаться утром в Крещение тем, кто ходил ряжеными: *«После маскировки надо купаться, а то грехи свои с собой носишь... Один мужчина сказал мне, я всё к нему на Святки маскированной ходила: ”Я тебя*

стрелю”, – ”ну стрелишь, не стрелишь, а в воду я пихнусь, грехи свои мне надо сбить”... А все равно он не видел, в сорочке окунулась и домой бежать...» (Фофанова).

Коновалова из Гридино объясняла необходимость купания в крещенской проруби возможностью приобщения к священному омовению святых: *«Господа Бога купали, Иоанна купали, я этим ещё не занималась, не читала ничего, не знаю ничего».*

В Черной Реке жители часто заменяли купание обливанием водой из проруби (Фофанова). В Нильмогубе воду брали из крещенской проруби, хранили и использовали ее в течение года для лечения и оберега дома.

Кроме того, в Керети на Крещение рисовали мелом или сажей кресты над входом в дверь. Местные жители использовали нанесение крестов над дверями и окказионально. Дещенина рассказывала, что нарисованный смолой крест спас их семью во время эпидемии чумы в конце XIX в.: *«Вот это помню, вот бабушка, она всё рассказывала, когда была болезнь чума, болели, но не очень сильно ... у нас ещё над дверями смолой намазанный такой крест, просто крест, над входом был... Ну, может быть, это так, может быть, поверье, не пришла болезнь. Не много, говорит, у нас, ну, видимо, все разом помазали этой смолой. Она древесная, из корней сосны, видимо, она это, какое-то влияние. Да может даже нервную систему успокаивает...»* (Дещенина).

Престольным праздником в Керети был день **св. Варламия**. Относительно даты праздника в деревнях на побережье существуют две точки зрения. Керетчане указывают, что праздник св. Варламия проходил «где-то в сентябре; он осенний праздник, но число не знаю, ни к чему было» (Дещенина) (ближайший день св. Варламия отмечается 19.11). В то же время жители других сел, например Гридино, уверены, что в Керети отмечали *Варламов день* 27.01, то есть день Варламия Керетского (Коновалова). В Кереть на празднование *Варламова дня*, благодаря относительной незанятости населения промыслом, съезжались или приходили пешком (из соседних сел) гости практически со всего Карельского берега – из Черной Реки, Нильмогубы, Боярской, Гридино, Поньгомы.

В Керети сохранились предания о святом Варламии, жившем неподалеку от села в лесу: «... *Есть озерко, болотце, ходим за морошкой, называем это место "у Варламова озерка", перед ним болото Чистое – там сено косили для себя, делали канавы, были поляны и трава росла. Там есть тропка, перед концом Чистых озер, как просека, и по ней приходишь к озеру, за ним потом Варламово озерко. Очень тёмное место, туда ходил пюзерский священник, искал хижину Варламия, его водила моя дочь туда, но ничего там не видно... не нашли хижину Варламия, и креста не было... В деревне говорили, что, когда он умер, Варламей, его кости перенесли сюда, в деревню, и плащаница была нарисована сверху гроба Варламия. А куда она делась, не знаю. Церковь ведь обокрали, священник после искал плащаницу по домам, но не нашел*» (Дещенина).

Празднование **Масленицы** в селениях Карельского берега заключалось в печении блинов, хождении в гости, гуляньи по деревни, катании на лошадях и с гор, а также – в некоторых селах – в зажигании костров. Местные жители на Масленицу варили брагу, гуляли по улице с пением песен. Информанты не уточняли, в какой именно день следовало начинать печь блины, не слышали они и о названиях дней недели, лишь в Гридино М. Коновалова вспомнила о бытовании выражения «*пойдём к теще на блины*». Кроме того, в Нильмогубе существовала традиция приготовления на Масленицу творожной пасхи как праздничного блюда (Антонова).

В Калгалакше катались на санках с горки, расположенной вниз по течению реки, в месте, называемом Пáдваракка, Вáракка. Для детей эта горка было особенно привлекательной: на ней было несколько ям, на которых санки подпрыгивали.

В Калгалакше и Черной Реке мужчины наряжали лошадь, заплетали ей гриву, украшали дугу лентами и колокольчиками и катали в санях по деревне детей (Редькина, Калгалакша). В Княжей Губе рассказывали о большом выборе санок для масленичного катания с гор и о катании на лошадях по замерзшему заливу: дети чаще всего катались с гор на легких оленьих санках или *керёжах*; девушек парни и мужчины катали на лошадях, запряженных в розвальни – *рекёши* (санки для перевозки сена). Богатые хозяева катали молодежь в *коретах* – закрытых фанерных санках с подножками, расписанных

узорами, выполненными красной, желтой или зеленой краской (Ганичева, Сиверина, Золотарева).

Керетчанка Дещенина рассказывала, что во время Масленой недели к ее матери приходили женщины со всей деревни, родственницы, подруги и просто знакомые, пользуясь тем, что мужчин в семье не было, *«всё бабий народ валил»*. Женщины устраивали застолье, сидели, разговаривали. В Княжей Губе жители наряжались и совершали по вечерам на Масленой неделе обход домов с подарками (по выражению информантов, *колядовали*) (Сиверина, Золотарева).

О зажигании костров на Масленицу вспомнили лишь в Княжей Губе; вокруг костров ходили и прыгали через них по одному и парами. В Керети после революции, по-видимому, произошла любопытная трансформация масленичного обряда и в первой половине прошлого столетия в селе жгли костры не на Масленой неделе, а 1 мая. Для этого масляные бочки еще ранней весной затаскивали по льду и насту на гору на другой стороне реки и в День весны и труда их поджигали, устраивая очень высокие костры, полюбоваться на которые собиралось все село (Дещенина). Впрочем, возможно, в данном случае мы наблюдаем не перенос масленичных обрядов на более позднее время, а совершенно самостоятельный праздник, отмечавшийся именно 1 мая. Во всяком случае, по сведениям А.П.Конкка, в карельском селе Юшкозеро бытовала старая традиция празднования 1 мая, когда молодые люди ходили на гору, где веселились, жгли костры и варили чай.

В последний день Масленичной недели, в **Заговенье на Великий пост** в Гридино жители просили друг у друга прощение за возможные обиды: *«...Прошшанье было, когда кончается Заговенье, так этот-то прошшанье было, прощались друг с другом на Великий пост, вот так прошшались. Так сказали, что "Прости, меня, грешину, на Великий пост, может быть, мы с тобой и ругались, может быть, не ругались, прости меня, грешину". – "Тебя Господь простит, прости меня, помилуй, Господи, прости". Вот так вот...»* (Коновалова М.).

Великий пост в селениях Карельского берега жители выдерживали, стараясь не есть ничего скромного, истово молились. Жен-

щины собирались по вечерам (примерно с 18 часов) на рабочие вечеринки: «... Друг к другу ходили на вечеринку по домам девушки и женщины с прялками, одевали сарафаны, там пели, поработают, чай пьют, песни поют, пекли угощение, хмель запарят в печи, брагу сделают...» (Коновалова Л., Гридино), «...мама ходила на колесо» (Дещенина, Кереть). Из всех песенных жанров в Великий, как, впрочем, и в другие посты, считались разрешенными лишь духовные стихи и старины («стихи»). На вечеринках также рассказывали сказки, играли в имушки и «Золото хороню».

В **Вербное воскресенье** перед Пасхой местные жители традиционно собирали ветки вербы и приносили их домой, к иконам, которые могли пролежать там до следующего года: «...Ходили, ломали вербочки на болота рядом с деревней, в дом к иконам, так и лежат долго» (Дещенина, Кереть). В Калгалакше, ломая ветки вербы, приговаривали рифмованный, по-видимому, позднего сложения текст: «Веточки вербы просил воробей, кинул на низ – покачало детей, веточки вербы не хочет качать, веточку верба не хочет принять» (Ефремова)¹². Значения этих слов информант уточнить не смогла, но уверенно заявила, что к хлестанию детей ветками вербы это четверостишие отношения не имело, как и не было самого ритуала хлестания в местной традиции.

В Поньгоне считали, что ветки вербы у иконы могли защитить домочадцев от сглаза (Семенова), в Княжей Губе ветки и почки вербы, собранные в Вербное воскресенье, использовали для лечения различных заболеваний, делали из них настои и отвары.

Подготовку к **Пасхе** в селах Карельского берега начинали заранее, за неделю и раньше. В домах мыли стены и потолки, клеили обои и перемывали всю домашнюю утварь, на что могло потребоваться много времени. В Чистый четверг мыли окна и полы; в Страстную пятницу, по традиции, любые занятия были запрещены, а в

¹² Не исключено, что данное четверостишие представляет собой исполнительскую интерпретацию какого-то авторского текста. К подобному выводу исследователя подводит еще один текст, записанный от Р. Ефремовой, используемый ею для вызывания ветра: «Ветер могуч, гоняешь стаи туч, синё море волнуешь, гуляй на просторе!», в котором легко узнаются известные пушкинские строки (записано автором 15.07.2004).

субботу с утра затапливали баню, где мылась вся семья. Около 6 часов утра разогревали печь и ставили тесто, и к 11 часам вечера пироги были уже готовы. Ближе к полуночи все жители отправлялись в церковь на ночную службу и возвращались домой утром, в 4–5 часов, после чего начинали разговляться. На столе уже стоял самовар и были выставлены пироги (по рассказам Дещениной, Кереть).

Возвратясь с праздничной службы, пожилые женщины-старообрядки собирались в доме одной из них и долго читали и пели молитвы: «...*Приходила бабушка под утро, говорит, поет молитву, ходила бабушка еще в дом, там читали молитвы у одной старушки. Моя бабушка ругалась, что на бесовские игрища ходишь, хотя сама могла ругнуться...*» (Семенова, Поньгома).

В Керети жители по желанию совершали праздничный обход домов с пением тропарей, в котором участвовали чаще всего набожные пожилые женщины и дети: «*Ходили в гости, "Христос воскрес" пели, когда заходишь в дом. Я ходила с бабушкой, она зайдет, поет, ей отвечают тоже песней. Не гурьбой ходили, понемногу*» (Дещенина). В Калгалакше же некоторые информанты утверждали, что утром в Пасху следует долго спать и весь день ничего не делать, а в гости ходить лишь на следующий день (Богданова).

Традиционными праздничными блюдами, приготовляемыми на Пасху на Карельском берегу, были яйца, покрашенные отваром луковой шелухи или ивовой коры, пасха и куличи. В карельских деревнях Нильмогуба и Нильмозеро на Пасху пекли также блины; в Нильмозере блины готовили на молоке и начиняли кашей, намазывая их на одну половину блина и накрывая другой (Косых). Пасха, приготовленная из творога и изюма, в Нильмозере называлась *сыром*. При посещении соседей и с домочадцами было принято стучаться яйцами со словами «Христос воскрес – Воистину воскрес», разбившееся яйцо при этом забиралось «победителем». В Княжей Губе, кроме того, устраивали состязания по катанию яиц.

Ярче всего в памяти местных жителей запечатлелось утреннее наблюдение за солнцем – «*как солнце играет*», «*солнце радуется*», «*солнце встречать*», для чего следовало встать очень рано – в 4–5 часов: «...*Слышала, крёсна ходила, рассказывала "как оно красиво играло, на разны цветы цвело", рано, когда встаёт солнце*» (Коно-

валова М., Гридино), *«Запрячется, вдруг выскочит, загорится, ой, как красиво... это хорошо. "Господь радуется", – говорила мама»* (Ефремова, Калгалакша)¹³. Переливающееся на восходе разными цветами солнце предвещало наблюдавшему хорошее житье, напротив, скрывшееся в тумане светило означало грядущие проблемы и неприятности. Жительница Черной Реки Фофанова рассказывала о чудесном пробуждении, случившемся с ней в Пасху: *«Мне было 16 лет, я легла на кровать перед Пасхой, просила мать разбудить "посмотреть Пасху", а мать забыла. Вот лежу я на кровати, как будто приходит кто-то и говорит: "Молодушка, вставай" – и берет меня за щеки, я как прыгнула: и солнце встает, а солнце встает, играет красиво»*.

По пасхальному небу жители Калгалакши делали прогнозы о будущем улове и урожайности года: там, где в полночь темно на небе, темное облако, в том месте будет много морошки или богатый улов рыбы; там, где ясно, не будет ничего (Ефремова). В Поньгеме прогноз делали по тому, как играет солнце: там, где небо оставалось темным, будет много рыбы, там, где лес темный, будет много ягод (Семенова).

На Пасху в Гридино устраивали гулянья у моста через реку (*«хороводили»*), качели. На концах доски качелей вставали парни или молодые мужики, а в середине умещалось до 8 девушек (Коновалова Л.).

В Керети информанты рассказывали о *Пасхе мёртвых*, отмечавшейся, по разным сведениям, через две недели либо на 9-й день после Пасхи: *«У нас на кладбище, вот как бабушка и мама рассказывали, ходят, когда Паска мёртвым и у кого мёрший день, вот такие дни. Паска мёртвым, она переходит после Паски... нет, она через две недели, наверное, ну, не буду говорить точно, но знаю, что Паска мёртвым после Паски для живых которая»* (Дешенина). В этот день с 11 до 12 часов посещали кладбище. На могилы приносили самодельные искусственные венки либо из веток березы, которые ве-

¹³ По свидетельству А.Редькиной, в Калгалакше ходили смотреть, как солнце играло также и в Благовещение (25.03): *«Мама мне говорила: "Так сонце хорошо, ска, радовалось на Благовещиение". А меня она будила, да я не проснулась, всё проспала. Теперь не знаю, радуется оно или нет»*.

шали на кресты. Для поминовения на кладбище брали с собой пшено, насыпавшееся на столик или дощечку рядом с могилой, конфеты, пироги и яйцо, которое очищали и крошили на столик у могилы (Сенякова, Дещенина).

Поминовение усопших в Поньгоме и Княжей Губе было принято проводить на **Радоницу**. В Поньгоме отмечали, что в этот день следовало приносить на могилу яйца (Дмитриева, Семенова, Кутчева), а в Княжей Губе над могилой кадили углем с чтением молитвы «Упокой, Господи» (Сиверина, Золотарева).

Егорьев день (25.04), который в Княжей Губе отмечали как престольный праздник, на Карельском берегу Белого моря встречали домашним праздничаньем, застольем, так как выгон скота по причине суровых природно-климатических условий района в этот день был невозможен. Кроме того, значительная часть местного населения в это время уже находилась на промысле, на тонях, где, по словам информантов, особенно отмечать было и некогда. Выгон скота совершался позднее, в зависимости от погоды. При первом выпуске коровы на пастбище хозяйки Черной Реки открывали калитку и, выводя корову, говорили: *«Тут твой дом* (при этих словах следовало хлопнуть по коровьему следу ладонью), *тут твой двор* (хлопнуть по следу тыльной стороной ладони), *тут твоё стоялое место*» (повторить хлопок по следу ладонью вниз) (Фофанова).

У местных пастухов, судя по воспоминаниям керетчан, существовали *отпуски* – заговоры. Так, Нифакин восхищался одним из родственников его матери, который забирал коров на лето на острова, и они плавали с острова на остров, и ни разу ни одна корова не утонула и не пропала. Фофанова вспомнила о деревенском пастухе, звуком колокола-била собиравшем коров, которые ходили у него «стройной кучкой» с 6 утра до сбора в 6 вечера.

Повсеместно в населенных пунктах Карельского берега жители припоминают пословицу *«Егорий с водой, а Никола с травой»*, по которому и сегодня прогнозируют приближающийся день Николая-угодника.

При упоминании о *Егории* Р. Ефремова (Калгалакша) также вспомнила фрагмент духовного стиха, посвященного святому, который исполняли в этот день: *«Егорий святохрабрый, его в котле*

варили, топорамы рубили, Георгия не уязвило, не укровавило, в колесе вертили – Егорий всё равно живой остался... Он пошёл и стих пел...».

День св. Николая Мирликийского (09.05, *Никола*) был престольным праздником в Гридино и Ковде, и в этот день в села съезжались родственники гридинцев из Калгалакши и Поньгомы и ковдинцев из Княжей Губы и Кандалакши. С *Николы* на Карельском берегу начинались молодежные гулянья – круги, «игрища», девушки водили хороводы, исполняя круговые, поляночные, игрищные и утушные песни.

С именем *Николы* у всех поморов связаны прежде всего надежды и упования на удачу и помощь в морском промысле. К *Николе* обращались как на земле, так и во время отправки на промысел и в бурю на море. Одну из версий молитвы к св. Николаю-угоднику рассказала Р. Ефремова (Калгалакша): *«Никола святитель, морской управитель, на горах, на водах спаситель, сохрани, сбереги рабу Божью Римму на синем море солёном. Всем грехам грешна, всем делам дела, согрешила, грешна. Моим словам ключ замок. Во веки веков, аминь».*

Троица была, пожалуй, одним из наиболее широко и массово отмечаемых весенне-летних праздников Карельского берега.

В каждом населенном пункте в Троицу разворачивались гулянья на полянах рядом с селением. Так, в Поньгоме жители праздновали Троицу на полянке, в Черной Реке – на Пастуховом поле¹⁴, в Керети – на поляне Заборной, в Поньгоме это было местечко полянка. Особенно яркими были гулянья на Троицу в Керети: *«У нас отмечали в основном Троицу, весенний праздник, это весной. Ходили на поля, у нас там поля были, и Заборной, где сейчас у нас стоят эти, ловушки, да, за порогами на этой стороне. Здесь такая поляна была, это сейчас всё утоптано, всё неприглядно, раньше же там очень приглядно было, и трава такая молодая, всё, и не было такого безобразия, как сейчас... Заборным так и называли, а Заборное – то, что там вода тихо идёт, останавливается, а потом она на порог спускается, вот, шумит, а то сейчас она не шумит река почему-то. У*

¹⁴ На Пастуховом поле отмечали также и престольный праздник Черной Реки – день св. Трифона (01.02).

нас раньше шумела река, мы рядом никогда друг друга слышать не могли. И всё заросло, не так же всё было, всё было по-другому...» (Дещенина).

На полянах люди разных возрастов, нарядно одетые, водили круги, танцевали кадрили, утушку, пели поляночные и утушные песни: *«На Троицу танцевали, песни пели, частушки, гармонь играла. Ой, а наряжены были, как люди одевались на праздник-то, ой! Это у нас же поморские наряды-то были, сарафаны такие красивые, гарусные, особенно, ну, кто побогаче жил, и у того гарус такой красивый. И они шили сами, собирали здесь такие оборки, оборки здесь, кофты, пышные, рукав пышный, здесь повыше, и вот эти, с морхами с такими, так морхами звали, и здесь всё такое, здесь латушки, одевали латушки, на голову латушка – она такая, как тюбетейки, только они прямые и вот такие конусные, чтоб по голове, на голову одевали, и потом они сверху были вышиты этими всякими нитками такими золотистыми, серебристыми, а здесь просто пришита тряпка, такая, ну, у кого что пришито: ситец, сатин. А сверху одевали косынки, косыночки такие угловые, и так красиво одеты были. И потом эта косынка, у них угловая, они собирали её так, закручивали, чтоб вот такая широкая она была, закрывала вот этот повойник, полосу вот эту. И одевали вот эту косынку сюда, сюда привязывали таким маленьким бантичком как впереди, а одевали ещё сверху брошь, прикалывали... сверху ещё на косынку вот так привязывали, ещё крючочек там был... Я помню, мы дети были, бегали смотрели, как очень интересно было, что как одеты были, как хорошо, как красиво. На одежде не было ленточек. Одежда вся была шита из легких материалов, и вот, только сарафаны были шерстяные. Ой, платки уж, эти шёлковые, такие я больше не видывала вот, сколько живу... Их из Архангельска привозили, вот купец Савин был, и он снаряжал туда корабль, и кто желал – ехал продавал рыбу, у кого было накоплено там всё, и они там покупали, закупали всё. И потом приходили, ещё приходили китайцы ли, как, вот такого типа люди, с этими, с сумками навесными там всё, и брошки, и бисер и всё, другие сами из бисера вышивали, делали вот эту вот штучку...»* (Дещенина).

Одно из самых любимых троицких развлечений поморской молодежи – качели, устраивавшиеся в каждом селе: *«Качели ставили посреди деревни, была поляна (там сейчас картошка), была такая большая качель, крутились, и такие качели. Два столба, перекладчины, здесь цепи такие и доска. Крепились они, вы знаете, такую толстую доску ставили и, видимо, я так думаю, что она была привязана как на цепь, и к цепи-то вот, у неё есть эти звенья, и были привязаны, и были обкручены. А был ещё столб, и на нем вверху там прибита такая булава хорошая, за неё зацеплена цепь, даже не цепь – верёвка, канат такой, и вот вокруг каната крутились, ну вот у кого уже смекалка, там внизу делали дощечки, и на них крутились...»*.

В Керети в Троицу с поляны Заборной приносили домой березу, которую ставили под иконы. В Поньгоме говорили: *«Троица, Троица, зеленый лист откроется»* – и с этими словами отправляли детей за березками накануне праздника, и ставили ветки снаружи дома между бревнами. В Поньгоме в Троицу наносили смолой крест изнутри дома, над входными дверями крыльца для оберега домашних, *«чтобы ничего к дому не пристало»* (Семенова, Ломиворотова).

Керетчане же кроме березы под иконы ставили также букет из цветов, называвшихся купаленками: *«А на Заборной с веточками идут, и букеты вот эти, купаленки – это жёлтый цветочек такой, кругленький, теперь-то он отцвёл уже, и его вот разнесло, а такой кругленький, запах у него до чё приятный. Просто букет сделают, принесут, только из купаленок, там другие были, но они к Троице – только обычно купаленки... А не знаю, почему, вот, а они, купаленки, они на сыром месте любят расти, может быть, из-за этого. Когда уже идут домой с поляны, собирают эти цветы и приносят в дом... У нас обычно стол перед иконами тут, ну, в комнату зайдёшь, стол, так на стол, ставят в воду в холодную»* (Дещенина).

Кладбища на Троицу посещали не во всех селениях побережья. К примеру, в Керети на кладбище приходили на *Пасху мёртвых*. На юге – в Калгалакше и Поньгоме – жители, приносили на кладбище крупу, которую рассыпали около могилы родных, и веточки березы и цветы, которые втыкали в землю около креста. Подходя к могиле,

здоровались с покойным, читали поминальную молитву («Помяни, Господи, душу умершего и дай вам, Господи, царство небесное»), «опахивали» могилу березовыми ветками по солнцу и чертили в воздухе крест (Калгалакша). В Княжей Губе березовые ветки после опаживания могилы связывали венком и вешали на крест.

О праздновании **Духова дня** сохранились сведения лишь из Черной Реки, где в этот день, по рассказам местных жителей, устраивали праздничный стол (Фомина).

Иванов (24.06) и **Петров** (29.06) дни поморы Карельского берега встречали в большинстве своем на промысле либо на сенокосе. Потому, как разъясняют местные жители, и празднование дней этих святых было весьма скромным. Набожные пожилые женщины проводили дни святых Ивана и Петра и Павла в молитвах, а остальные – не работали. В Княжей Губе, даже находясь на промысле «петровской» или «ивановской» семги, ход которой начинался как раз в дни этих святых, промышленники до обеда ничего не делали, застольничали. В селах хозяйки пекли праздничные пироги-кулебяки с рыбой (сигом, селедкой, треской), творогом; на прямых сковородках делали шаньги с творогом, на фигурных, кривых – стáвальные высокие шаньги.

С **Иванова до Петрова дня** по традиции всё находящееся в деревне население заготавливало березовые веники. В Гридино веники предпочитали брать только с **Петрова дня**, объясняя это тем, что лист до этого дня еще нечистый, а на земле много червей и змей: «*От Иванова до Петрова дня 5 ночей, тут всяка тварь на земли будет, нельзя брать*» (Коновалова М.). Ивановским веником в Поньгоме протирали корову перед ее первыми родами (Семенова). Кроме того, там в Иванов день заготавливали иван-чай, который был основой травяных чаев, употреблявшихся местными жителями для укрепления здоровья.

В Калгалакше, где период между **Ивановым** и **Петровым** днем именовали **Святками**, в **Иванов день** собирали цветы для гадания о замужестве: «С Ивана до Петра – Святки, травы брать с него нужно. На траве гадают или цветов любых с поля наберут, положат под подушку и говорят: *”Суженый-ряженный, приди травы или там цветов, попросить”*» (Богданова). В Гридино клали цветы или первый

лист под подушку и на спину те, кто хотел избавиться от боли (Коновалова М.).

В Поньгоме и Черной Реке в *Иванов день* устраивались гулянья. Фофанова из Черной Реки рассказывала: «*На Пастуховом поле собирались старушки, в сарафанах, нарядные, и под гармонь поют, танцуют... там был еще «гигант» – столб такой и три веревки – на нем мы качались в Иванов день и так, в любое время, взрослые не вмешивались...*». На полянке в Поньгоме в Иванов день также собирались местные жители: «*Там на наволок, на полянку, молодые, нарядные приходили, с детьми ходили, утушные песни пели, ходили кадрили. Вот пройдем по деревне, соберемся на полянке: красивое такое место в лесу, вокруг лес, не доходя кладбища, лесом пройдёшь, высокое место... теперь она заросла... Там еще в мяч играли, лапту, кости, рюхи, и молодые играли, и женатые*» (Семенова).

В *Ильин день* (20.07) в большинстве сел побережья «пробовали» (подкапывали) картошку. В Гридино же население было занято сенокосом, а картошку брали позднее – 8 августа, после чего начинали сбор ягод¹⁵. В Черной Реке также к *Ильину дню* было приурочено начало сбора морошки. При этом старухи предупреждали о недопустимости сбора ягод раньше *Ильина дня*: «*Боже спаси, чтобы кто-нибудь пошёл в лес раньше Ильина дня*» (Фофанова). Напротив, в Калгалакше в этот день было запрещено ходить в лес, опасаясь змей, которые вились на земле клубками, что объяснялось жаркой погодой, не редкой в это время (Богданова, Калгалакша).

Р. Ефремова (Калгалакша) вспомнила о забивании на *Ильин день* оленя или барана, мясо которого варили с молитвой («*приговорками*»): «*Илья-пророк, вся сила небесная*», но ели, не вынося из дома.

В Поньгоме с *Ильина дня* начинался массовый рыбный промысел на своем участке побережья, который продолжался до Успения. Рыбаки здесь говорили: «*Илья придет и рыба придёт, а как илья пройдет, так и рыба пройдет*». Ловили здесь весь август сига, камбалу (камбалю), зубатку, треску, а с приходом осени пере-

¹⁵ В Гридино морошку начинали собирать на *Кирику* (день св. мч. Кирика и Иулитты) (15.07), в августе – чернику, сентябре – бруснику и в октябре – клюкву.

ключались на лов селедки у губы Сеннуха (Дмитриева, Семенова, Кутчева).

С днем **Сдвижения** (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, 14.09) у населения Карельского берега был связан сбор репы; повсеместно была известна поговорка: «*Свиженья жди и репку рви*». В лесах начинался гон (брачный период) лосей («*гонёвна пора*») и приготовление змей к зимней спячке (змеи выются клубками). Гон лосей представлял собой довольно опасное явление для местных жителей, отправлявшихся в лес. Лоси кричали («*трубили*») и «*шишелкались*» рогами: «*Нужно быть осторожно, лоси страшно кричат. Вот в войну они, мы рыбачили, они кричали. Мы подумали: самолёты в войну летали, десант сбросили, а старики объяснили: "Какой десант, это лоси!"*», гул по всему лесу идёт» (Редькина, Калгалакша).

На **Покров Пресвятой Богородицы** (01.10) в Калгалакше ходили по обету к крестам, поставленным в лесу, на берегу моря и на островах (в Лёхлудах, Голомянных, в Ивановых лудах) в память об утонувших на промысле. Р. Ефремова сама совершала такое паломничество и просила у креста об избавлении от грехов с молитвой: «*Покров пресвята Богородиця, покрой людей божьих своим покровом, красотой*».

В Княжей Губе (так же как и в Ковде и Кандалакше) в сентябрь-октябре, с окончанием соления капусты, начинались *сўпрядки* – бесёды, на которых собирались отдельно молодые девушки «с чистой вязкой» и старики. Старые поморы приходили к хозяину покурить, рассказать и послушать анекдоты и «всякие страсти», поговорить о ближайших хозяйственных планах: о том, как будут лес возить, чьих лошадей для этого использовать (у *лошадных* крестьян сход проходил отдельно в декабре, и до апреля таких сходов было еще несколько) (Ганичева).

В карельском Нильмозере также после уборки урожая, в любой день на неделе устраивали рабочие *посиделки* в банях, где вязали и рукодельничали, мотивируя выбор места для посиделок тем, что, «*видимо, дома грех, а в банях можно*» (Косых, Нильмозеро).

О престольных праздниках Карельского берега Белого моря см. в табл. 2.

Таблица 2

Престольные праздники Карельского берега Белого моря

Населенный пункт	Престольные праздники	Брачные связи, гошение в престольные праздники жителей из деревень
Княжая Губа	<i>Егорий</i> (25.04) <i>Иванов день</i> (24.06; по сведениям ведомости 1785 г. – волостной праздник)	Ковда, Кандалакша, Кестеньга, Умба, Варзуга
Ковда	<i>Никола</i> (09.05)	Княжая Губа, Кандалакша
Нильмогуба	?	Нильмозеро
Черная Река	<i>Трифон</i> (01.02)	
Боярская	?	Пиньгосальма, Воронское (Kuamisjärvi), Конду, Булдыри (Sarviniemi), Витьчина (<i>Vit'kulä</i>), Топорное (на Топорном озере), Нильмогуба, Пиртозеро, Полубояра, Соностров
Кереть	<i>Варлакий</i> (27.01), <i>Варлакий Керетский</i> (19.11)	Черная Река, Нильмогуба, Боярская, Поньгома, Гридино, Кемь
Гридино	<i>Никола</i> (06.12)	Калгалакша, Поньгома
Калгалакша	Крещение (06.01), Успение (15.08) церковь Вознесения	Гридино, Поньгома
Поньгома	Рождество Христово (25.12)	Черная Река, Гридино (приезжали на Рождество), Калгалакша, Летняя Река, Кереть, Рудометово, Кокорино, Гагарино, Пельдозеро

Список информантов¹⁶

Антонова Елена Викторовна, 1931 г.р. (карелка), Нильмогуба, записано 21.07.2004, Нильмогуба

Богданова Анна Вячеславовна, 1927 г.р., Каностров (Калгалакша), записано 15.07.2004, Каностров (Калгалакша)

Ганичева Анна Павловна, 1933 г.р. (карелка), Княжая Губа, записано 10.07.2005, Княжая Губа

Деценина Александра Васильевна (дев. Морозова), 1931 г.р., Кереть, записано 20.07.2004, Кереть

¹⁶ Записи произведены автором статьи; интервьюирование А.П. Ганичевой, З.Д. Дмитриевой, В.Д. Кутчевой, Т.Ф. Семеновы и Л.В. Ломиворотовой в 2005 г. было проведено совместно с А.П.Конкка.

Дмитриева Заря Дмитриевна, 1933 г.р., Поньгома, записано 07.07.2005, Поньгома

Ефремова Римма Васильевна, 1921 г.р., Каностров (Калгалакша), записано 15.07, 17–18.07.2004, Каностров.

Золотарева Галина Ефимовна, 1926 г.р., Ковда, записано 10.07.2005, Княжая Губа

Иванова Полина Петровна (дев. Богданова), 1924 г.р. (карелка), Боярская, записано 23.07.2004, Нильмогуба

Коновалова Любовь Феокистовна, 1937 г.р., Гридино, записано 16.07.2004, Гридино

Коновалова Матрёна Викуловна, 1918 г.р. Гридино, записано 16.07.2004, Гридино

Коновалова Руфина Васильевна, 1937 г.р., Гридино, записано 16.07.2004, Гридино

Косых Федосья Степановна (дев. Лангуева), 1932 г.р. (карелка), Нильмозеро, записано 23.07.2004, Нильмозеро

Кутчева Валентина Дмитриевна, 1936 г.р., Поньгома, записано 07.07.2005, Поньгома

Ларионова Зинаида Борисовна, 1923 г.р., род. Мурманск (с 1 года живет в Калгалакше), записано 15.07.2004, Каностров (Калгалакша)

Ломиворотова Любовь Валерьевна (дочь Т.Ф. Семеновой), 1950 г.р., Поньгома, записано 08.07.2005, Поньгома

Нифакин Григорий Андреевич, 1926 г.р., Кереть, записано 20.07.2004, Кереть

Павлова Мария Гавриловна, 1926 г.р. (карелка), Нильмозеро, записано 23.07.2004, Нильмогуба

Редькина Анна Александровна (дев. Ефремова), 1926 г.р., Калгалакша, записано 15.07, 17.07. 2004, Калгалакша

Семенова Татьяна Федоровна, 1928 г.р., Поньгома, записано 07.07.2005, Поньгома

Сенякова Наталья Николаевна (дев. Савина), 1929 г.р., Кереть, записано 20.07.2004, Кереть

Сиверина Клавдия Никитична, 1927 г.р., Княжая Губа, записано 10.07.2005, Княжая Губа

Смолькова Зоя Георгиевна (дев. Игнатъева), 1932 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река

Соболева Клавдия Николаевна, 1929 г.р., Боярская, записано 18.07.2004, Боярская

Фомина Анна Александровна (дев. Петрова), 1930 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река.

Фофанова Ефросинья Петровна, 1929 г.р., Черная Река, записано 22.07.2004, Черная Река.

Литература

Бернштам Т.А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 88–115.

А.В. Рантасало

ВЫГОН СКОТА НА ПАСТБИЩЕ В НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ФИННОВ

Часть I. Приготовления к выгону скота¹
(перевод с немецкого Ю.Н. Винокурова)

Введение

В Финляндии скот находился на пастбище чаще всего со дня св. Георга или же Вальпургиева дня (1 мая по н.ст.) весной до дня св. Михаила осенью, то есть пять месяцев. Так как пастбища раньше заборов не имели и находились в лесу, в котором беспрепятственно бродили многочисленные злейшие враги скота – медведи и волки, то время продолжительностью в короткое северное лето было для владельцев скота весьма напряженным; это был период, когда важнейшее средство их существования – скот – находился под угрозой со стороны диких зверей. Однако это была не единственная

¹ Der Weidegang im Volksaberglauben der Finnen. I. Die Vorbereitungen für das Vieh austreiben. Helsinki, 1945. FFC 134.